

ДАНИЭЛА СТИЛ

Ты меня
не забывай



Даниэла Стил Ты меня не забывай

текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=155463
Даниэла Стил. Ты меня не забывай: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-62824-7

Аннотация

Амадео и Изабелла всегда были неразлучны. Он – наследник знаменитого элитного дома мод, она – талантливый дизайнер, внучка короля парижского бомонда. Совместная работа была для них источником вдохновения и жизненной силы. Казалось, их брак был заключен на небесах. Но жизнь приготовила влюбленным страшное испытание: однажды Изабелле позвонил незнакомец и сообщил, что Амадео похитили террористы...

Книга также выходила под названием «Вернись, любовь».

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	24
Глава 4	32
Глава 5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Даниэла Стил

Ты меня не забывай

Глава 1

В каждом городе есть время года, близкое к идеальному. Оно бывает после летней жары до наступления зимних холодов, прежде чем начнешь мечтать о снеге и дожде. В момент, когда воздух становится прохладнее, все кажется кристально ясным, а небо все еще ярко-голубое, но уже приятно вновь облачиться в шерстяные наряды, и прохожие движутся быстрее, чем раньше. Когда сентябрь сменяется октябрём, наступает время оживать, строить планы, действовать, жить. Женщины выглядят красивее, мужчины чувствуют себя лучше, и даже дети снова приободряются, возвращаясь в свои школы в Париже, Нью-Йорке или Сан-Франциско. И, возможно, это особенно сильно ощущается в Риме. Люди приезжают домой после ленивых летних месяцев, проведенных в дребезжащих старых такси, снующих от центральной площади до Марина Риккола на Капри, посвежев после ванн в Ичия, отдыха в Сан-Ремо или на общественном пляже в Остии. Но в конце сентября летний сезон заканчивается и наступает осень. Деловой месяц, прекрасный месяц, когда приятно уже от того, что живешь.

Изабелла ди Сан Грегорио – красавица с темными сияющими глазами и блестящими черными волосами, удерживаемыми двумя черепаховыми гребнями, сидела на заднем сиденье лимузина и, улыбаясь, наблюдала за прохожими, спешащими по улицам. Движение в Риме было, как всегда, ужасающим. Она привыкла к нему, прожив там всю жизнь, за исключением редких визитов к родственникам матери в Париж и времени, проведенного в Штатах, когда ей был двадцать один год. Через двенадцать месяцев она вышла замуж за Амадео и стала легендарной личностью, королевой римской моды. Изабелла от рождения была принцессой в этом королевстве, а после замужества возвысилась еще больше, но ее известность была завоевана собственным талантом, а не только приобретением фамилии Амадео. Амадео ди Сан Грегорио был наследником дома ди Сан Грегорио – святая святых римской моды, вершины престижа и изысканного вкуса в вечном всемирном соперничестве женщин, обладающих огромными средствами и желаниями. Сан Грегорио – святые слова для божественных дам, а имена Изабелла и Амадео – самые священные из всех. Он – великолепный зеленоглазый флорентиец с золотистыми волосами, унаследовавший Дом моды в тридцать один; она – внучка Жака-Луи Пареля, короля парижской моды с тысяча девятьсот десятого года.

Отец Изабеллы был итальянцем, но ему всегда нравилось говорить, что в ее жилах течет истинно французская кровь. От своего деда она унаследовала французские вкус, стиль, идеи и чувства. В семнадцать лет она знала о высокой моде больше, чем большинство мужчин, занимающихся этим делом, в сорок пять. Мода вошла в ее кровь и плоть. Она обладала сверхъестественным даром, позволившим ей создавать новые оригинальные модели, и блестящим ощущением цветовой гаммы, а многолетнее изучение коллекций деда вооружило ее знанием того, что сработает, а что нет. Когда, достигнув восьмидесятилетнего возраста, он в конце концов продал дом моделей Пареля какой-то американской корпорации, Изабелла поклялась, что никогда не простит его.

Она, конечно же, простила. И все же, если бы он только подождал, если бы он знал, если бы... Но тогда бы она жила в Париже и никогда не встретила Амадео, когда в двадцать два года открыла свою крошечную студию моды в Риме. Понадобилось шесть месяцев, чтобы их пути пересеклись, шесть недель, чтобы их сердца определили их будущее, и всего через три месяца после этого Изабелла стала женой Амадео и ярчайшей звездой

на небесах Дома моды Сан Грегорио. В течение года она заняла место главного модельера, место, о котором только мог мечтать любой модельер.

Изабелле можно было позавидовать. У нее было все: элегантность, красота, корона успеха, которую она носила с небрежной простотой, словно шляпку от Борсалино, и стиль, который мог заставить всех присутствующих замереть и, не отрываясь, смотреть на нее уже в девятнадцать лет. Изабелла ди Сан Грегорио являлась истинной королевой, но в ней было и нечто большее. Задорный смех, внезапная вспышка алмазов в темных, как оникс, глазах, прекрасное знание людей, способность угадывать их прошлое, настоящее и будущее. Изабелла была очаровательной женщиной в восхитительном мире.

Лимузин замедлил ход в дорожной пробке у площади Новона. Изабелла мечтательно откинулась на сиденье и закрыла глаза. Рев гудков и брань приглушали плотно закрытые окна машины, к тому же она давно привыкла к звукам Рима, чтобы они могли потревожить ее. Шум города не только нравился, но и возбуждал ее, став неотъемлемой частью существования, так же как бешеный ритм ее бизнеса. Жизнь казалась невозможной без того и другого. Именно поэтому она бы никогда не отказалась от своей деловой жизни, хотя в прошлом году ей пришлось часть времени уделить домашним заботам. Когда пять лет назад родился Алессандро, работа была главным в ее жизни. Весенняя выставка моделей, угроза шпионажа от конкурирующего Дома моды, разработка моделей готовой одежды для экспорта в Штаты, решение пополнить коллекцию мужской одеждой, косметикой, духами и мылом. Все имело для нее огромное значение. Она не могла бросить свое дело даже ради ребенка Амадео. Работа была для нее источником жизненной силы, ее мечтой. Но проходили годы, и ее душу все больше терзали угрызения совести, острая тоска, чувство одиночества, когда она возвращалась домой в половине девятого, а ребенок уже спал, уложенный в постель няней, а не ею.

– Это беспокоит тебя, не так ли? – Амадео наблюдал за тем, как она задумчиво сидела в обтянутом серым атласом кресле в углу гостиной.

– Что? – рассеянно спросила она с усталым и встревоженным видом.

– Изабеллецца... – Иза прекрасная. У нее всегда вызывало улыбку такое обращение. Он с самого начала называл ее этим именем. – Поговори со мной.

Она робко улыбнулась ему и глубоко вздохнула.

– Я и так говорю.

– Я спросил, очень ли тебя беспокоит то, что ты мало проводишь времени здесь с ребенком.

– Иногда. Я не знаю. Это трудно объяснить. Иногда нам одиноко вместе. По воскресеньям, когда у меня есть время. – Крошечная слезинка скатилась из сияющего темного глаза, и Амадео протянул к ней руки. Она с готовностью устремила в его объятия и улыбнулась сквозь слезы. – Я ненормальная. У меня есть все. Я... Почему эта проклятая нянька укладывает его спать до нашего возвращения домой?

– В десять часов?

– О нет, еще только... – Она с раздражением взглянула на часы и поняла, что он прав. Они ушли с работы в восемь, заскочили «на минутку» в «Хаслер» поцеловать свою любимую американскую клиентку и... вот уже десять часов. – Черт подери. Действительно слишком поздно. Но обычно мы возвращаемся домой в восемь, а он уже спит. – Она бросила сердитый взгляд на Амадео, и тот мягко засмеялся, держа ее в своих объятиях.

– Чего же ты хочешь? Чтобы он стал одним из тех детей, которых в девять лет кинозвезды таскают на коктейли? Почему бы тебе не проводить поменьше времени на работе?

– Я не могу.

– Ты не хочешь.

– Да, не хочу... нет, ну я не знаю. – Они оба рассмеялись. Это была правда. Ей хотелось быть с Алессандро, пока незаметно не подошло время, когда ему вдруг стукнет девят-

надцать, и она упустит свой шанс. Она видела, как это происходило со многими женщинами, увлеченными карьерой. Они думают, собираются, хотят, но так никогда ничего не делают. Несостоявшиеся поездки в зоопарк, походы в кино, музеи, мгновения, которые они собирались разделить со своими детьми, но звонили телефоны, ждали клиенты. Важные события. Она не желала, чтобы такое случилось с ней. Общение с сыном не имело большого значения, когда он был младенцем. Но теперь другое дело. Алессандро исполнилось четыре года, и он очень скучал, общаясь с ней не больше двадцати минут в день или вообще не видя ее по нескольку недель, особенно когда они с Амадео разрабатывали очередную коллекцию или готовили новую линию для Штатов.

– У тебя несчастный вид, любимая. Хочешь, чтобы я тебя уволил? – К изумлению Амадео, да и к своему собственному, она кивнула. – Ты серьезно? – По глазам было видно, что он шокирован.

– Отчасти. Надо сделать так, чтобы я работала не весь день и могла чуть больше времени проводить здесь. – Она посмотрела на окружавшее ее великолепие, думая о ребенке, которого не видела весь день.

– Хорошо. Мы что-нибудь придумаем, Беллецца.

И они придумали. Все сложилось идеально. Вот уже восемь месяцев, как ее назначили главным консультантом по разработке моделей в Доме моды Сан-Грегорио. Она принимала все те же решения и ко всему прикладывала свою руку. Присутствие Изабеллы чувствовалось в каждой модели, продаваемой Сан-Грегорио. Но она отошла от рутины бизнеса, от бесконечных повседневных дел. Часть забот взял на себя их любимый директор, Бернардо Франко, а для воплощения идей Изабеллы в конкретные модели пришлось нанять еще одного модельера. Изабелла присутствовала на основных заседаниях, подробно обсуждала все проблемы с Амадео в течение одного длинного рабочего дня в неделю и заглядывала в офис всякий раз, когда у нее где-то поблизости намечалась встреча. Теперь она впервые действительно чувствовала себя матерью Алессандро. Они вместе завтракали в саду. Она водила его в парк и разучивала детские стишки на английском и забавные маленькие песенки на французском. Изабелла смеялась и бегала с сыном, раскачивала его на качелях. У нее было все самое лучшее в мире: работа, муж и ребенок. Никогда в жизни она не чувствовала себя более счастливой. Это было видно во всем: в сиянии глаз, в походке, в смехе и во взгляде, с которым она встречала возвращающегося домой Амадео. Счастье сквозило в ее беседах с друзьями, которым она рассказывала о последних успехах Алессандро: «И бог мой, как этот ребенок умеет рисовать». Все были в восторге. А больше всех Амадео, желавший видеть ее счастливой. После десяти лет супружества он все еще обожал ее. По правде говоря, даже еще больше, чем прежде. Их бизнес по-прежнему процветал, несмотря на некоторое изменение распорядка. Изабелла никогда не смогла бы полностью удалиться от дел. Это просто было не в ее стиле. Ее присутствие чувствовалось повсюду, как нежный звон идеально сделанного хрустального колокольчика.

Лимузин остановился у тротуара, и Изабелла бросила последний взгляд на прохожих на улице. Ей нравилось то, что носили женщины в этом году. Одежда стала более сексуальной и женственной. Она напоминала ей модели, когда-то сделанные ее дедом. Вид современных нарядов доставлял ей удовольствие. Сама она вышла из машины в шерстяном платье цвета слоновой кости, искусно задрапированном в каскад мельчайших, безукоризненно выполненных складок. Три длинные нити крупного жемчуга обрамляли ее шею и скрывались в глубине мягко задрапированного выреза. На руке она держала короткий норковый жакет шоколадного цвета, заказанный в Париже у скорняка, когда-то работавшего у Пареля. Но она слишком торопилась, чтобы надевать его. Ей хотелось обсудить с Амадео некоторые возникшие у нее в последний момент идеи насчет американской коллекции перед встречей

с подругой на ленче. Она взглянула на золотые часы на запястье: по циферблату загадочно плавали сапфир и бриллиант, показывая точное время только посвященным. Было двадцать две минуты одиннадцатого.

– Спасибо, Энцо. Я выйду без пяти двенадцать.

Держа дверцу одной рукой, шофер прикоснулся к фуражке другой и улыбнулся. Теперь работать на нее стало очень легко, и ему нравились частые поездки на машине с маленьким мальчиком. Это напоминало ему о собственных внуках, семеро из которых жили в Болонье, а пятеро – в Венеции. Иногда он навещал их. Но его домом был Рим. Так же как для Изабеллы, несмотря на то что ее мать была француженкой и она целый год прожила в Штатах. Рим был частью ее самой: она здесь родилась, живет и, наверное, умрет. Она, как и все итальянцы, знала, что римляне не могут жить ни в каком другом месте. Решительно шагая по тротуару к старинному зданию с тяжелой черной дверью, она, как всегда, бросила взгляд вдоль улицы, чтобы узнать наверняка, здесь ли Амадео, припаркован ли у тротуара его длинный серебристый «Феррари», который она называла серебристой торпедой. Никто, кроме Амадео, не прикасался к автомобилю. Все подтрунивали над ним из-за этого, и больше всех Изабелла. Он возился с ним, как маленький мальчик с игрушкой, и ни с кем не хотел делиться. Он сам водил, парковал, ухаживал и играл с машиной, только сам. Даже швейцар, работавший там уже сорок два года, никогда не дотрагивался до нее. Изабелла улыбнулась про себя, подходя к внушительной черной двери. Временами Амадео вел себя как мальчишка; за это она еще больше любила его.

– Добрый день, синьора Изабелла. – Только Чиано, похожий на дедушку швейцар в черной с серым ливрее, называл ее так.

– Привет, Чиано. Как жизнь? – Изабелла широко улыбнулась ему, блеснув столь же красивыми, как и ее жемчуга, зубами. – Все в порядке?

– Все прекрасно, синьора, – ответил он мелодичным густым баритоном, с поклоном распахивая перед ней тяжелую дверь.

Дверь беззвучно закрылась, она мгновение постояла в вестибюле, оглядываясь. Это был ее дом так же, как вилла на Виа Аппиа Антика. Идеальные полы из розового мрамора, серый бархат и розовые шелка, хрустальная люстра, привезенная из Дома моды Парели в Париже после долгих переговоров с американским владельцем. Ее изготовили в Вене по заказу деда, и она была практически бесценной. Пологая мраморная лестница вела к основному салону наверху. На третьем и четвертом этажах располагались офисы, отделанные в тех же серо-розовых тонах цвета пепла и лепестков роз. Это сочетание радовало глаз так же, как и тщательно подобранные картины, старинные зеркала, элегантные светильники, маленькие кресла-диваны на двоих в стиле Людовика XVI, расставленные в нишах, где заказчицы могли отдохнуть и поболтать. Повсюду сновали девушки в серых форменных платьицах, чуть слышно шурша накрахмаленными белыми передниками, разнося чай и бутерброды в отдельные кабинеты наверху, где клиентки с трудом выдерживали утомительные примерки, поражаясь терпению манекенщиц во время демонстрации моделей. Изабелла задержалась на мгновение, оглядывая свои владения.

Она вошла в частный лифт, нажала кнопку четвертого этажа, прокручивая в голове планы на утро. Ей оставалось сделать совсем немного; к собственному удовлетворению, она уладила большинство текущих дел еще вчера. Предстояло проработать детали моделей с Габриэлой, главным модельером, и обсудить административные вопросы с Бернардо и Амадео. Сегодняшняя работа займет совсем немного времени. Двери бесшумно раскрылись, открывая взору длинный холл, застланный серым ковром. Все в Доме моды Сан Грегорио было продумано до мелочей и не должно было бросаться в глаза. Но только не Изабелла. Она всегда была яркой, великолепной и заметной. Она была женщиной, которую замечали и хотели видеть, женщиной, с которой можно было появиться в свете. Но Дом Сан Грегорио

рио служил фоном для демонстрации красоты, он не должен был затмевать того, что они хотели показать. Несмотря на прелесть здания семнадцатого века, когда-то принадлежавшего принцу, изделия Сан Грегорио были слишком великолепны, чтобы их могло превзойти что-либо или кто-либо. Изабелла создавала идеальное сочетание замечательных моделей, необычного дизайна и бесподобных тканей для женщин, умевших преподнести их наряды. Она знала, что где-то в Штатах, в Париже или в Милане женщины, носившие их готовую одежду, вовсе не походили на дам, приходивших в этот особняк. Здесь появлялись графини, принцессы, актрисы, известные писательницы, звезды телевидения, знаменитые и благородные дамы, которые могли убить или умереть из-за моделей от Сан Грегорио. Многие из них были импозантными, чувственными, великолепными, как и сама хозяйка салона.

Изабелла молча прошла к двойным дверям в конце длинного холла, нажала на отполированную до зеркального блеска латунную ручку и возникла, как видение, перед столом секретарши.

– Синьора! – удивленно воскликнула девушка, увидев ее. Никто никогда не знал точно, когда она появится и что взбредет ей в голову. Но сегодня Изабелла только кивнула, улыбнулась и сразу же прошла к кабинету Амадео. Она знала, что он там, так как видела его машину. К тому же, в отличие от нее, он редко заходил на другие этажи. Амадео и Бернардо в основном сидели в своих кабинетах наверху, только Изабелла тихонько заглядывала повсюду, бродила по этажам, неожиданно появлялась в комнатах манекенщиц, в коридорах возле частных примерочных, в главном салоне с длинным подиумом, обтянутым серым шелком, который приходилось очень часто заменять, что было источником постоянного раздражения Бернардо. Именно он следил за всеми денежными делами в Доме моды. Будучи президентом и главным финансистом, Амадео планировал бюджет, а Бернардо приходилось справляться с ним, следя, чтобы ткани и бисер, перья и изумительные маленькие украшения вписывались в установленные Амадео лимиты. И они всегда укладывались в смету, Дом моды многие годы существовал прилично, а иногда и просто великолепно. Благодаря капиталовложениям Амадео и умелому обращению с финансами Бернардо они процветали. А производя гениальные модели Изабеллы, они не только процветали, но и преуспевали. Но именно Бернардо связывал воедино мир дизайна и финансов. Он размышлял, взвешивал, продумывал, планировал, подсчитывал, во что им обойдется подготовка коллекции и стоит ли игра свеч. И до сих пор он никогда не ошибался. У него имелось чутье и гениальность, и Изабелла представляла его матадором, гордым, напористым, решительным, размахивающим красным атласом перед мордой быка и всегда побеждающим. Ей нравился стиль его работы, и она любила его. Но не так, как Бернардо любил ее. Он же любил ее всегда, всю жизнь, с тех пор, как впервые встретил.

Бернардо и Амадео дружили много лет и работали вместе в Доме моды Сан Грегорио еще до того, как появилась Изабелла. Именно Бернардо нашел ее в крошечном ателье в Риме. И это он настоял, чтобы Амадео зашел посмотреть ее работу, встретился, поговорил, и, возможно, даже убедил ее перейти работать к ним. Она уже тогда была выдающейся, поразительно красивой и невероятно молодой. В двадцать два она была гением дизайна. Когда они приехали в ее студию, она встретила их в красной шелковой блузке с белой льняной юбкой и маленьких золотых босоножках. Девушка выглядела как бриллиант, вставленный в любовно выбранную оправу. Стояла убийственная жара, показавшаяся еще более обжигающей, когда Изабелла впервые посмотрела в глаза Амадео. В тот момент Бернардо осознал, насколько она дорога ему, но было слишком поздно. Амадео и Изабелла сразу же влюбились друг в друга, а Бернардо так ни разу и не заговорил о своих чувствах. Никогда. И он ни за что не предал бы друга, который слишком много значил для него; многие годы он был для него как брат. Таких людей, как Амадео, не предают. Его все любили, многие мечтали походить на него, и никто не мог причинить ему боль или предать. И Бернардо не сделал этого. К

тому же он знал, что ему будет очень больно услышать, что она не любит его, потому что безумно любит Амадео. Он стал главной страстью в ее жизни. Амадео действительно значил для нее больше, чем работа, что для Изабеллы было из ряда вон выходящим. Бернардо не мог соперничать с этим. Поэтому он сохранил свою тайную любовь и все силы вкладывал в работу, стараясь делать ее как можно лучше. Он научился любить ее по-другому, любить их обоих с присущими только ему страстью и чистотой. Это вызывало огромную напряженность между ним и Изабеллой, но так было лучше. Результаты их стычек и гневных перепалок всегда оказывались великолепными: экстравагантные красивые женщины шагали по подиуму... иногда прямо в объятия Бернардо. Он имел на это полное право, он имел право на нечто большее, чем его работа и любовь к Амадео и Изабелле. Он горел собственным, неповторимым, ярким огнем, что притягивало к нему женщин, как мотыльков на пламя свечи. Сам Бернардо ни о чем не задумывался, подобное существование стало частью его, так же как безошибочное ощущение стиля или уважение к тем двоим, на которых он работал, превратившихся в определенном смысле в единое целое. Он понимал, кем стали друг для друга Амадео и Изабелла, и точно знал, что такого бы не произошло, если бы на месте Амадео оказался он. Они бы всегда остались двумя личностями – и в любви, и в войне. Если бы она когда-нибудь узнала о его чувствах, их встреча походила бы на столкновение созвездий, взрыв, рассыпающийся дождем комет на небесах их вселенной. У Изабеллы с Амадео все было по-другому. Их союз был мягким, нежным, прочным. Их души слились воедино. Глядя на Амадео, Изабелла растворялась в его глазах и летала, широко расправив крылья. Амадео и Изабелла напоминали двух орлов, парящих в принадлежащем только им небе, в полной гармонии слившись воедино. Это даже уже не возмущало Бернардо. Невозможно было обижаться на пару, подобную этой. На них было приятно смотреть. И теперь его вполне устраивали напряженные деловые отношения с дамой, которую он любил издали. У него была своя жизнь. А с ними его связывало нечто особенное. И так будет всегда. Они стали неразрушимой, неразделимой троицей. Ничто никогда не нарушит их тройственный союз. Все трое знали это.

Постояв мгновение перед дверью кабинета Амадео, Изабелла улыбнулась. Всякий раз, подходя к этой двери, она вспоминала, как впервые увидела ее и эти холлы. Тогда они выглядели иначе. Красиво, но не столь элегантно, как сейчас. Она придала им нечто большее, так же как Амадео ей. Она росла в его присутствии, чувствовала себя безмерно любимой и в абсолютной безопасности. Вполне надежно, чтобы быть такой, как есть, смело делать то, что хочется, вторгаться в мир, не имеющий границ. Амадео заставил ее почувствовать беспредельность, показал, что она может быть всем, чем захочет, и делать все, чего захочет, и она это делала, ощущая силу его любви.

Она тихо постучала в дверь, ведущую прямо в его личный кабинет. Этой дверью пользовались только она и Бернардо. Тотчас же раздался ответ. Она повернула ручку и вошла. Мгновение они молча смотрели друг на друга, и душа ее затрепетала, как происходило всякий раз с тех пор, как она впервые увидела его. Он улыбнулся в ответ, ибо чувствовал то же самое. В его глазах светилось нескрываемое удовольствие, что-то вроде нежного обожания, которое всегда, как магнит, притягивало ее в его объятия. Именно эту мягкость, доброту и неизменную способность сопереживания она так любила. Огонь, горевший в нем, отличался от ее огня. Он был как священное пламя, высоко поднятое для печальных и уставших, которому суждено гореть вечно. Ее огонь был факелом, сверкающим на ночном небосводе, таким ярким и прекрасным, что к нему было почти страшно приблизиться. Но никто не боялся приближаться к Амадео. Он был очень приветливым, и всем хотелось быть рядом с ним, хотя на самом деле это место принадлежало только Изабелле. Конечно, и Бернардо тоже, но в ином смысле.

– Проходи, Изабеллецца. Что привело тебя сюда сегодня? Я думал, мы все обсудили вчера. – Он откинулся на спинку кресла, протянув ей руку, которую она взяла в свою.

– У меня появилось еще несколько идей. – Несколько... Он засмеялся. У Изабеллы «несколько» могло означать тридцать пять, сорок семь, сто или даже триста. У Изабеллы никогда ничего не могло быть мало: ни идей, ни драгоценностей, ни нарядов. Амадео широко улыбнулся, когда она наклонилась, чтобы поцеловать его в щеку, а он потянулся и коснулся ее руки.

– Ты сегодня прекрасно выглядишь. – Она купалась в сиянии его глаз, как в солнечном свете.

– Лучше, чем утром? – Они засмеялись: утром она наложила на лицо новый крем, высоко подвязала волосы и была в удобном халате и его тапочках.

Амадео покачал головой.

– Нет. Думаю, утром ты нравилась мне больше. Но... Такой ты мне тоже нравишься. Это платье одно из наших?

– Конечно. Разве я надела бы что-нибудь чужое? – На мгновение в ее темных глазах сверкнула молния.

– Похоже на одну из моделей твоего деда. – Он внимательно изучал ее, прищурив глаза. Он умел видеть и понимать все.

– Ты очень сообразительный. Я украла ее из его коллекции тридцать пятого года. Конечно, не целиком. Только аромат. – Она усмехнулась. – И складки.

Он улыбнулся, изумленно посмотрев на нее, и снова наклонился, быстро целуя.

– Аромат великолепен.

– Хорошо, что мы больше не работаем вместе все время, а то нам бы не удалось ничего сделать. Иногда я удивляюсь, как мы вообще что-то успевали. – Она села в свое кресло, с обожанием глядя на мужа. Им невозможно было не восторгаться. Он был греческим богом с картин из галереи Уффици во Флоренции, скульптурой римского юноши – высокий, стройный, грациозный, элегантный. Но в то же время в нем было нечто большее. Зеленые глаза казались понимающими, мудрыми, умными, задорными, все схватывающими на лету и уверенными. Несмотря на мягкую и нежную флорентийскую красоту, в нем чувствовались сила, власть и умение командовать. Он был главой Дома Сан Грегорио, наследником сказочного величественного трона и с достоинством носил мантию, соответствуя этому положению. Он выглядел, как глава империи или, по крайней мере, очень крупного банка. Прекрасно сшитый костюм в тонкую светлую полоску подчеркивал его высокий рост и стройную фигуру с широкими плечами. Все в Амадео говорило о незаурядной личности. В нем не было ничего фальшивого или показного, ничего позаимствованного, скопированного или неестественного. Элегантный, умный, сообразительный, проницательный и внимательный к окружающим. Страстно любящий свою жену.

– Между прочим, что ты здесь делаешь в таком наряде? Помимо того, что ты зашла поделиться со мной «некоторыми» идеями. – Он снова улыбнулся, встретившись взглядом с Изабеллой, и она улыбнулась ему в ответ.

– Я еду на ленч с несколькими дамами.

– Звучит ужасно. Не лучше ли соблазнить тебя и увезти в номер в «Экссельсиоре»?

– Конечно, но после ленча у меня свидание с другим мужчиной. – Она произнесла это с самодовольным видом, но в ее глазах плясали смешинки.

– Кто мой соперник? – шутливо спросил он, ибо у него не было причин для волнений, и он знал это.

– Твой сын.

– В таком случае никакого «Экссельсиора». А жаль.

– В следующий раз.

– Заметано. – Он со счастливым видом вытянул вперед ноги, как длинный ленивый кот на солнышке.

– Ладно. Нам надо поработать.

– Ну вот. И это женщина, на которой я женился. Ласковая, романтичная, нежная.

Изабелла состроила одну из ужасных гримас их сына, и они вместе рассмеялись. Когда она вытаскивала стопку бумаг с заметками из сумочки, на ее руке ярко засверкало кольцо с бриллиантом и изумрудами, которое он подарил ей летом на десятую годовщину свадьбы. Бриллиант был большой, в десять каратов. А как же иначе? Десять каратов за десять лет.

– Тебе идет мой подарок.

Она счастливо кивнула, взглянув на кольцо. Оно хорошо смотрелось на ее длинных, изящных пальцах. На Изабелле все выглядело прекрасно. Особенно бриллианты в десять каратов.

– О да. Но ты лучше всех. Между прочим, я люблю тебя. – Она притворилась легкомысленной, но они оба знали, что это не так.

– Я тоже люблю тебя. – Они еще раз обменялись улыбками, прежде чем приступить к делам.

Теперь все шло намного лучше, чем когда они все время работали вместе. К концу дня он начинал скучать и стремился поскорее попасть домой. В их встречах и вечерах появилось нечто особенное. Она вновь стала загадочной. Он ловил себя на мысли, что думает о том, чем она занята, во что одета. А воспоминание о ее духах уносило его в страну грез.

– Тебе не кажется, что американская коллекция слишком сдержанная? Я размышляла об этом прошлой ночью. – Она украдкой взглянула на Амадео, но видела не его, а модели, которые накануне просматривала с Габриэлой.

– Я так не думаю. И Бернардо был в экстазе.

– Черт. – Она вновь перевела взгляд на него с явным сочувствием. – Тогда я права. – Амадео засмеялся, но она даже не улыбнулась. – Я говорю серьезно. Я хочу заменить четыре ткани и включить одну или две модели для Франции в эту коллекцию. Тогда все сработает. – Она, как всегда, выглядела уверенной. И почти никогда не ошибалась. Ее абсолютная уверенность уже десять лет приносила им награды на демонстрациях мод. – Я хочу добавить пурпурные и красные ткани, а также белое пальто. Тогда все будет идеально.

– Обсуди это с Бернардо и скажи Габриэле.

– Я уже сказала Габриэле. Кстати, новое мыло Бернардо для мужской коллекции не годится. Оно весь день било мне в нос.

– Это плохо?

– Ужасно. Аромат духов всегда сопровождает женщину, а запах мужчины же должен ощущаться. Когда он уходит, о нем должно остаться лишь воспоминание, а не головная боль.

– Бернардо будет в восторге. – На мгновение он помрачнел. Иногда сражения между Изабеллой и Бернардо изматывали его. Но они имели большое значение для дела, и он знал это. Без резких рывков Изабеллы и прочного якоря в лице Бернардо Дом моды Сан Грегорио никогда не стал бы тем, чем был сегодня. Но, будучи осью, удерживавшей два колеса от того, чтобы они не разлетелись в разные стороны, он чувствовал, что напряжение увеличивается, и это ему не нравилось. Но все вместе они были изумительной командой, и каждый это знал. Несмотря на бесконечные сражения, они каким-то образом умудрялись оставаться друзьями. Это было выше его понимания. Когда Изабелла сердилась, то называла Бернардо такими именами, которые просто не должна была знать, а он выглядел так, словно собирался совершить убийство. Потом, спустя несколько часов после стычки, Амадео находил их в одной из частных примерочных, распивающих шампанское и приканчивающих бутерброды. Он никогда не мог постичь этого и просто радовался тому, что все закончилось так, а не иначе. Сейчас он со вздохом взглянул на часы. – Ты хочешь, чтобы я позвал его? – Ему никогда

не приходилось передавать поручения за Изабеллу. Она всегда это делала сама. Прямо от бедра. В пах.

– Лучше, если это сделаешь ты. В полдень я должна быть на ленче. – Она взглянула на часы, когда-то подаренные Амадео.

– О, боже. Теперь мы отошли на второй план по сравнению с дамскими посиделками. – Но глаза его смеялись. Он знал, что в действительности этого никогда не произойдет. Кроме него и Алессандро, Изабелла жила именно ради их дела, которое давало ей возможность дышать, действовать и чувствовать себя живой.

Амадео поднял трубку и быстро переговорил с секретаршей. Она немедленно вызвала мистера Франко. Он тотчас же явился, ворвавшись в комнату, как ураган, и Амадео почувствовал, как напряглась Изабелла: она уже готовилась к сражению.

– Привет, Бернардо. – Изабелла беспечно улыбнулась ему, когда он вошел в кабинет в одном из сотни своих темных костюмов, которые казались Изабелле совершенно одинаковыми. Он носил одни и те же золотые карманные часы, одинаковые безупречно накрахмаленные белые рубашки и темные галстуки с крошечными белыми или красными точками, когда он был совершенно вне себя от злости. – Мне нравится твой костюм. – Это была их дежурная шутка. Она всегда твердила, что его костюмы чрезмерно скучны. Но их простота являлась частью его стиля.

– Послушайте, вы, двое, не начинайте все сначала. Сегодня я не в настроении. – Амадео угрожающе посмотрел на них, но его глаза, как всегда, смеялись, даже когда на губах не было ни тени улыбки. – Кроме того, она должна быть на ленче через сорок минут. Теперь она отодвинула нас на второй план, так как отдает предпочтение ленчам.

– Это, несомненно, важнее. – Бернардо слегка ухмыльнулся и сел. – Как мой крестник?

– Алессандро – само совершенство. Однако занавеси в столовой нет. – Амадео начал расплываться в улыбке, слушая рассказ Изабеллы. Ему нравились озорные поступки мальчика, огонь в его темных глазах, так похожих на материнские. – Пока я вчера была здесь, решая за вас ваши проблемы, – она подняла бровь, ожидая, что Бернардо примет вызов, и была явно разочарована, когда он этого не сделал, – он позаимствовал мои маникюрные ножницы и «привел занавеси в порядок». Он отрезал примерно метр ткани, которая, по его словам, попадалась на его пути всякий раз, когда он провозил свой любимый грузовик вдоль окна. К тому же не был виден сад. Теперь этого препятствия не существует. На самом деле все идеально. – Теперь она тоже смеялась, как и Бернардо. Когда он смеялся, то сбрасывал лет двадцать из своих тридцати восьми и становился совсем мальчишкой. Но во время работы и когда его не развлекали рассказами об Алессандро, он часто выглядел суровым. Большая часть ноши Дома Сан Грегорио лежала на его плечах, и это было заметно. Он усердно работал на них, и это имело свои последствия. Бернардо так и не женился, не обзавелся детьми, был очень одиноким и слишком часто проводил время на работе, задерживаясь допоздна, приходя рано утром, по субботам, в праздники, по священным праздникам и в те дни, когда ему следовало бы находиться в другом месте в обществе хорошей женщины. Но он жил ради того, что делал, и неизменно нес свои обязанности, которые стали его частью. Хотя многие женщины, очарованные его темными, такими же, как у Изабеллы, волосами и цвета летнего римского неба глазами, падали к его ногам, они мало значили для него, забавляя один-два вечера, но не более.

– Твое новое мыло не годится. – Как обычно, выдала она ему без всяких вступлений, и Амадео напрягся в ожидании начала сражения.

Бернардо сидел очень спокойно.

– Почему?

– У меня от него разболелась голова. Запах слишком тяжелый.

– Если бы кто-нибудь обрезал занавеси в моей столовой, у меня бы тоже разболелась голова.

– Я серьезно. – Она со злостью посмотрела на него.

– Я тоже. Все наши исследования показывают, что оно идеально. Больше никому его запах не показался слишком тяжелым.

– Возможно, у них был сильный насморк, и они не могли ничего почувствовать.

Бернардо закатил глаза и сел поглубже в кресло.

– Ради бога, Изабелла, я только что приказал начать его производство. Черт подери, что ты хочешь, чтобы я сделал теперь?

– Останови. Мыло не годится. Так же как сначала мы неправильно подобрали одеколон, и по тем же причинам.

На сей раз Амадео закрыл глаза. В прошлый раз она оказалась права насчет одеколona, но Бернардо с болью и злобой перенес свое поражение. Они почти не разговаривали друг с другом в течение месяца.

Бернардо поджал губы и сунул руки в карманы жилета.

– Мыло должно иметь сильный запах. Им пользуются вместе с водой. В ванне. Затем его смывают. Запах исчезает, – объяснял он сквозь сжатые губы.

– Понятно. Я и раньше пользовалась мылом, и оно не вызывало у меня головной боли, в отличие от твоего. Я хочу, чтобы его изменили.

– Черт возьми, Изабелла! – Он стукнул ладонью по столу Амадео и бросил на нее яростный взгляд.

Она победоносно улыбнулась, глядя на него.

– Скажи сотрудникам в лаборатории, чтобы они поработали над ним сверхурочно, и производство задержится не более чем на две или три недели.

– Или месяца. Ты знаешь, что будет с рекламой, которую мы уже запустили? Все пойдет впустую.

– Мы потеряем больше, если ты будешь продолжать выпускать неподходящее изделие. Поверь мне. Я права. – Она медленно улыбнулась ему. В этот миг у Бернардо был такой вид, как будто он вот-вот взорвется.

– У тебя есть еще приятные сюрпризы для меня на сегодня?

– Нет, всего лишь несколько дополнений к американской коллекции. Я уже поговорила о них с Габриэлой. Они не представляют проблемы.

– Мой бог, почему нет? Ты хочешь сказать, что это будет просто? Нет, Изабелла! – Но внезапно он вновь заулыбался, так как обладал удивительной способностью сильно злиться и быстро прощать.

– Когда ты займешься мылом? – вновь направила она.

– Я поставлю тебя в известность.

– Хорошо. Тогда все улажено, и у меня есть еще двадцать минут до ленча. – Амадео улыбнулся ей, и она удобно устроилась на подлокотнике его кресла и нежно коснулась рукой щеки мужа. В этот момент яркий солнечный свет упал на бриллиант, и на дальней стене заиграли радужные блики. Она заметила, как Бернардо с недовольным видом наблюдает за ними, и удивилась.

– В чем дело, Нардо, тебе снова не угодил одна из твоих подружек?

– Очень забавно. Но так уж получилось, что в последнюю неделю я был прикован к рабочему столу. Я начинаю чувствовать себя евнухом этого дома.

Амадео нахмурил брови. Его беспокоило, что они сверх меры завалили Бернардо работой, но Изабелла поняла, что его неожиданно мрачный вид вызван чем-то другим. Она слишком хорошо его знала, чтобы поверить в то, что он жалуется на очень большую нагрузку на работе. И она была права. Они все трое были ужасно измотаны работой, но это им нрави-

лось. Правда, Бернардо приходилось работать несколько больше, чем его друзьям. Сейчас он был явно встревожен, переводя взгляд с большого бриллиантового кольца Изабеллы на ее жемчуга.

– Это безумие – носить такие драгоценности, Изабелла. – А затем выразительно посмотрел на Амадео: – Я говорил тебе об этом на прошлой неделе.

– О чем это вы? – Изабелла переводила взгляд с одного на другого с притворным испугом, а затем остановила взор на добром лице мужа. – Он хочет заставить тебя отобрать мое кольцо?

– Примерно так. – Амадео пожал плечами, став при этом больше похожим на итальянца.

Но Бернардо вовсе не забавляла их игра.

– Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду. Вы знаете, что случилось с Беллоджио на прошлой неделе. Это могло случиться и с вами.

– Похищение? – поразила Изабелла. – Не говори глупости, Нардо. Братья Беллоджио были важными политическими деятелями в Риме. Они знали всех и сосредоточили в своих руках чрезвычайную власть. Все террористы ненавидели их как символ капитализма.

– Они также знали, что у них чертовски огромное состояние. А их жены расхаживали по городу как рекламы Ван Клифа. Ты не думаешь, что одно связано с другим?

– Нет. – Изабеллу, казалось, это ничуть не тронуло, но затем она вновь уставилась на Бернардо. – Что на тебя нашло? Почему это вдруг стало беспокоить тебя? У тебя опять разыгралась язва? Она всегда делает тебя странным.

– Прекрати, Изабелла. Не веди себя как ребенок. Это уже четвертое крупное похищение за последний год, и вопреки тому, что вы думаете, не все похищения в наши дни происходят в Европе по политическим мотивам. Некоторые из них случаются именно потому, что люди богаты и дают понять это всему миру.

– Ах, так, значит, ты считаешь, что я разгуливаю, демонстрируя наше богатство. Я права? О, боже, Бернардо, как это вульгарно!

– Но разве это не так? – Его глаза гневно сверкнули, когда он схватил газету со стола Амадео. Он пробежал глазами по страницам, быстро листая их. Амадео и Изабелла наблюдали за ним. – Да, ужасно, ужасно вульгарно, Изабелла. Я так рад, что ты не способна на подобную грубость. – С этими словами он слегка ударил по раскрытой газете с большой фотографией, на которой она с мужем входила во дворец. На вечере, устроенном в честь открытия оперного театра, Изабелла была в изумительно красивом бежевом муаровом вечернем платье и в пальто в тон ему, отороченном роскошными соболями. На шее сияло бриллиантовое кольцо, на обоих запястьях – браслеты, переливающиеся в унисон с кольцом на пальце. – Я рад, что ты такая скромная. – Затем он гневно взглянул на Амадео. – Вы оба. – Небольшие запонки на рубашке под вечерним фракком Амадео сверкали совсем как маленькие бриллианты в ушах Изабеллы. На заднем плане виднелся «Роллс» Амадео, на котором шофер вывозил их только по торжественным случаям. Они в недоумении смотрели на фотографию, а Бернардо осуждающе гневно – на них.

– Мы там были не одни, ты же знаешь, – мягко сказала Изабелла. Ее тронуло его беспокойство. Он и раньше заговаривал об этом, но теперь, когда похитили и убили братьев Беллоджио, в его голосе чувствовалась упрямая решимость. – Дорогой, тебе действительно не стоит волноваться за нас.

– Почему? Вы считаете себя святыми? Вам кажется, что никто не посмеет прикоснуться к вам? Если вы так думаете, то вы просто безумцы! Вы оба! – На мгновение показалось, что он вот-вот расплачется. Бернардо знал одного из братьев Беллоджио и на прошлой неделе был на его похоронах. Похитители потребовали безумный выкуп в пятнадцать миллионов долларов и освобождения шестерых политических заключенных. Но семья была не

в состоянии удовлетворить их требования, а правительство не пожелало. Результат оказался трагическим. Хотя Изабелла и Амадео смотрели на него с сочувствием, происшедшее их не тронуло. Бернардо явно виделись призраки.

Изабелла медленно встала и подошла к Бернардо. Она привстала на цыпочки, обняла его и улыбнулась.

– Мы любим тебя. Но ты слишком волнуешься.

Амадео хмурился из-за сочувствия к Бернардо, а не из страха за себя.

– До вас не доходит, не так ли? – Бернардо смотрел на них с возрастающим отчаянием. На сей раз ответил Амадео, а Изабелла со вздохом села на стул.

– Мы все понимаем. Но думаю, в этом меньше повода для беспокойства, чем тебе кажется. Посмотри на нас, – он скромно махнул рукой в сторону Изабеллы, потом на себя, – мы ничего из себя не представляем. Мы просто продавцы одежды. Чего кто-то может хотеть от нас?

– Денег. А как насчет Алессандро? Что, если похитят его?

Амадео вздрогнул. Бернардо попал в цель.

– Это другое дело. Но он никогда не бывает один. И тебе это известно. Вилла охраняется. Никто туда не может забраться. Тебе не стоит так волноваться. Он в безопасности, так же как и мы.

– Ты ошибаешься. Сейчас никто не может быть в безопасности. И до тех пор, пока вы разгуливаете в таком виде, – он вновь указал на фотографию в газете, – вы играете с огнем. Когда сегодня утром я увидел эту фотографию, мне захотелось выпороть вас обоих. – Амадео и Изабелла быстро обменялись взглядами, и Бернардо отвернулся. Они не поняли. Они подумали, что он сошел с ума. Но сумасшедшие они. Простые, наивные и глупые. Бернардо хотелось наорать на них, но он понимал, что это бесполезно. Продавцы одежды... У них самый крупный Дом моды в Европе, одно из самых больших состояний в Риме, оба – эффектные личности, у них беззащитный ребенок, а эта женщина увешивает себя драгоценностями... Продавцы одежды. Он еще раз посмотрел на них, покачал головой и пошел к двери. – Я подумаю насчет мыла, Изабелла. Но и вы оба сделайте мне одолжение. – Он на мгновение замолчал. – Подумайте о том, что я сказал.

– Обязательно, – мягко произнес Амадео в тот момент, когда Бернардо закрывал дверь. Затем он посмотрел на жену: – Знаешь, возможно, он прав. Наверное, нам следует вести себя осторожнее в отношении тебя и Алессандро.

– А как насчет тебя?

– Вряд ли я представляю особый интерес. – Он улыбнулся. – И я не разгуливаю в бриллиантах и мехах.

Она ответила ему улыбкой, а затем надула губки.

– Ты не можешь отобрать у меня мое кольцо.

– И не собираюсь. – Он с нежностью посмотрел на нее.

– Никогда? – Она с видом обиженного ребенка села к нему на колени, и он усмехнулся.

– Никогда. Обещаю. Оно твое. И я твой. Навсегда. – Потом он поцеловал ее, и она почувствовала, как в ней закипает жар, который он вызывал в ней с их первой встречи. Руки обняли его за шею, а губы слились в крепком поцелуе.

– Я люблю тебя, милый... больше всего на свете... – Они снова поцеловались, и она почувствовала, как слезы набежали ей на глаза, когда она наконец оторвалась от него. Иногда такое случалось. Она была так счастлива, что ей хотелось плакать. У них за плечами была целая жизнь. Они так много пережили вместе. Их объединяло не только общее дело, но и нежные воспоминания: рождение сына, дни, проведенные вдвоем на острове в Греции пять лет назад, когда они внезапно почувствовали, что слишком устали от работы; именно тогда

они зачали Алессандро. В ее памяти промелькнули тысячи мгновений, снова доказывая, как бесконечно дорог ей Амадео.

– Изабеллецца... – Он посмотрел на нее с улыбкой в глубоких изумрудных глазах. – Ты сделала мою жизнь совершенством. Я давно не говорил тебе об этом?

Она улыбнулась в ответ.

– А ты – мою. Знаешь, что бы мне хотелось сделать?

– Что? – Что бы это ни было, они обязательно сделают это. Он ни в чем не мог бы ей отказать. Возможно, другие сказали бы, что она избалована, что муж во всем потакает ей. Но это было не так. Она в равной мере баловала его. Они делали все друг для друга и наслаждались взаимной нежностью двух страстно любящих сердец.

– Мне бы хотелось снова поехать в Грецию. – Предупреждение Бернардо уже было забыто.

– Когда? – Он вновь улыбнулся. Ему тоже хотелось поехать. Это было одним из самых прекрасных моментов в его жизни.

– Может быть, весной? – Она взглянула на него и показалась ему невыносимо сексуальной.

– Мы сделаем еще одного ребенка? – Он уже некоторое время подумывал об этом. Казалось, пора. До рождения Алессандро они хотели только одного ребенка. Но он доставлял им столько радости, что в последнее время Амадео хотел завести об этом разговор с Изабеллой.

– В Греции? – Ее темные глаза широко раскрылись, а рот казался томным и притягательным, когда он вновь наклонился поцеловать ее. Она улыбнулась ему. – Знаешь, нам не стоит ждать до Греции. Люди заводят детей и в Риме.

– Неужели? – шепнул он ей в ухо. – Тебе придется показать мне, как это делается.

– Ладно, дорогой. – Она внезапно засмеялась и посмотрела на часы. – Но только после ленча. Я опаздываю.

– Это ужасно. Возможно, тебе лучше не ходить туда совсем. Мы могли бы поехать домой на виллу и...

– Потом... – Она еще раз поцеловала его и медленно пошла к двери, а коснувшись дверной ручки, обернулась на мгновение, склонив голову набок и вопросительно посмотрев на него: – Ты действительно этого хочешь?

– Чтобы ты не ездила на ленч? – Он задорно улыбнулся.

Но она покачала головой и засмеялась.

– Нет, гнусный развратник. Я имела в виду ребенка. – Она произнесла последнее слово с глубокой нежностью, так, будто эта мысль для нее тоже много значила.

Он закивал, глядя на нее.

– Конечно. А что ты думаешь, Беллецца?

Но она загадочно улыбнулась.

– Я считаю, нам следует все обдумать. – Сказав это и послав ему воздушный поцелуй, она исчезла, а он остался стоять, глядя на дверь. Ему хотелось еще раз сказать ей, что он любит ее. Но с этим придется подождать до вечера. Он тоже был удивлен своим заявлением о том, что хочет еще одного ребенка. Он подумывал об этом, но до сих пор не высказывал вслух. Теперь он внезапно понял, что действительно хочет этого. И это не должно помешать ее карьере. Алессандро ведь не помешал, и они оба многое могли дать малышу. И чем дольше он размышлял об этом, тем больше ему нравилась эта идея. Он вернулся к столу и с улыбкой взял стопку бумаг.

Было уже около часа дня, когда Амадео наконец встал и потянулся. Он остался доволен цифрами, которые просматривал. Американские контракты, заключенные этой осенью, явно принесут им кругленькую сумму. Поистине замечательно. Он уже собирался закатить себе праздничный ленч в одиночестве, когда услышал тихий стук в дверь.

– Да? – удивился он. Его секретарша обычно звонила ему, но, вероятно, она уже ушла на ленч. Он повернулся к двери и увидел, как одна из помощниц секретаря робко заглядывает из-за двери.

– Простите, синьор, но... – Она улыбнулась ему. Он был столь бесподобно красив, что она никогда не знала, что сказать. Хотя в любом случае ей редко приходилось разговаривать с ним.

– Да? – Он улыбнулся в ответ. – Чем могу помочь?

– Здесь двое мужчин хотят видеть вас, сэр. – Ее голос затих, и она покраснела.

– Сейчас? – Он перевел глаза на раскрытый блокнот с записями назначенных встреч, лежавший на его столе. До трех часов ничего не записано. – Кто?

– Они... это насчет вашей машины... «Феррари»...

– Моей машины? – Он удивился и смутился.

– Они... они сказали, что произошел... несчастный случай. – Она ждала взрыва, но его не последовало. Вид у него был встревоженный, но не сердитый.

– Кто-нибудь пострадал?

– Я так не думаю. Но они здесь... за дверью... в конторе мисс Альзини, сэр.

Он слегка кивнул и вышел за ней в приемную, где увидел двух удрученных и смущенных мужчин. Они были в опрятных, но простых костюмах, с большими загорелыми руками и красными лицами; он не мог точно сказать, от огорчения или от солнца. Было совершенно ясно, что они не привыкли к подобной обстановке. Тот, что был ниже ростом, казалось, боялся ступить на ковер, а второму явно хотелось провалиться сквозь пол. Они походили на простых работяг, а когда заговорили, то голоса у них были хриплыми, испуганными, но обращались они уважительно. Пришедшие были в ужасе от того, что произошло, и страшно перепугались, когда узнали, что машина принадлежит ему.

– Что случилось? – Он продолжал смущенно смотреть на них, но голос у него был мягким, а глаза добрыми, и если он и испытывал какое-либо огорчение по поводу машины, то ничем не показывал этого.

– Мы ехали. Было очень интенсивное движение, ваша честь. Вы же знаете, время ленча. – Амадео спокойно кивнул, слушая рассказ. – Женщина с маленькой девочкой перебежали улицу, мы свернули, чтобы не наехать на них, и... – Мужчина еще больше покраснел. – ...И вместо них натолкнулись на вашу машину. Не очень сильно, но немного повредили ее. Мы можем ее отремонтировать. У моего брата есть мастерская, он мастер своего дела. Вы будете довольны. И мы заплатим. За все. Мы все оплатим.

– Ну уж нет. Мы все уладим через наши страховые компании. Там большие повреждения? – Он старался не показать своего огорчения.

– Мы... Мы очень сожалеем. Мы ни за что на свете не стукнули бы вашу машину, ваша честь. Пусть «Фиат», какую-нибудь иномарку, все, что угодно, только не такую прекрасную машину, как ваша. – Мужчина повыше ростом заламывал себе руки, так что Амадео в конце концов даже улыбнулся. Они выглядели так абсурдно, стоя в кабинете его секретаря, разбитые больше, чем его машина. Ему с трудом удалось сдержать нервный смех, и он вдруг обрадовался, что Изабеллы нет рядом и она не может озорно взглянуть на него с насмешливо-серьезным выражением.

– Ничего. Пойдемте, посмотрим. – Он провел их к маленькому частному лифту, вставил свой ключ и спустился вместе с ними на первый этаж, при этом мужчины стояли с удрученно опущенными головами, а Амадео пытался завязать с ними обычный разговор.

Даже Чиано ушел обедать в тот момент, когда Амадео вышел на улицу и посмотрел в направлении автомобиля. Он заметил их машину, припаркованную во втором ряду рядом с его автомобилем. Это была большая, ужасного вида, старая машина, которая действительно казалась достаточно тяжелой, чтобы нанести серьезные повреждения. Скрывая свою озабо-

ченность, он пошел вверх по улице, а двое мужчин нервно шагали вслед за ним, явно в ужасе от того, что он увидит. Подходя по тротуару к своей машине, он заметил, что третий мужчина ждет в старом «Фиате», с несчастным видом глядя на приближающегося Амадео. Он наклонил голову в кратком приветствии, и Амадео ступил на проезжую часть, огибая свою машину, чтобы посмотреть на ее поврежденную левую часть. Его глаза медленно скользили по машине, и он слегка наклонился, чтобы лучше увидеть повреждение. Но, наклонившись, он вдруг смущенно сощурил глаза; там не было никакого повреждения, ни единой царапины, его машина ничуть не пострадала. Но было уже слишком поздно задавать им вопросы. Когда его глаза широко раскрылись от удивления, ему нанесли удар сзади по шее каким-то тяжелым предметом, он сразу осел, его толкнули, а затем бесцеремонно затащили на заднее сиденье поджидавшего автомобиля. Все было так четко сработано двумя невинного вида посетителями, что произошло в одно мгновение. Мужчины спокойно уселись в «Фиат» к своему приятелю, и он медленно отъехал от края тротуара. Не успели они проехать и двух кварталов, как Амадео был крепко связан, ему завязали глаза и всунули кляп, его неподвижное тело беззвучно лежало на полу машины увозивших его похитителей.

Глава 2

Солнце только что скрылось в ярком сиянии оранжевых и розовато-лиловых красок. Изабелла стояла в великолепном зеленом атласном платье в своей гостиной. Изящные хрустальные с латуnią бра освещали комнату мягким светом. Она взглянула на темно-синие часы работы Фаберже на камине. Они с Амадео купили их много лет назад в Нью-Йорке у одного коллекционера. Вещь поистине бесценная, как и бриллиантовое кольцо с изумрудами, доставшееся ей от бабушки и сейчас изящно облежавшее ее длинную белую шею. Говорили, что когда-то оно принадлежало Жозефине Бонапарт. Изабелла медленно развернулась на одном каблуке и принялась ходить вперед-назад по комнате. Было без пяти восемь, и они явно опаздывали на ужин к принцессе ди Сант Анджело. Черт подери Амадео. Почему именно сегодня вечером он не мог прийти домой вовремя? Принцесса была одной из немногих, кто раздражал Изабеллу. Эта восьмидесятитрехлетняя старуха с сердцем из каррарского мрамора и стальными глазами была давней подругой бабушки Амадео и женщиной, к которой Изабелла откровенно испытывала отвращение. Она регулярно устраивала обязательные вечера: коктейли – ровно в восемь, ужины – ровно в девять. А им еще надо проехать пол-Рима, чтобы добраться до загородного дворца Сант Анджело, где принцесса командовала двором в старинных, но поразительно красивых бальных нарядах, размахивая своей эбонитовой тростью с золотым набалдашником.

Нервничая, Изабелла заметила свое отражение в зеркале над изящным резным французским столиком и подумала, не изменить ли ей как-нибудь прическу. Она с унылым видом изучала свое отражение. Слишком просто, слишком строго. Она собрала все волосы высоко на макушке и завязала их простым узлом, чтобы не отвлекать внимания от кольца и сочетающихся с ним сережек, сделанных по заказу Амадео. Изумруды были великолепны, а ее платье имело точно такой же зеленый оттенок. Оно было из ее собственной коллекции этого года из идеально сидящего зеленого атласа, который, казалось, ниспадал прямо от плеч до пола. Поверх него она наденет белое атласное пальто, специально сшитое к этому платью, с узким, плотно прилегающим воротником и широкими манжетами, отделанными необычным шелком цвета фуксии. Но, возможно, это слишком броско, или, может быть, ее прическа выглядит слишком просто, или... о, черт, где же Амадео? И почему он опаздывает? Изабелла вновь взглянула на часы и начала поджимать губки, услышав чуть слышный, тихий шепот у двери. Она удивленно обернулась и увидела большие карие глаза Алессандро, прячущегося за дверью гостиной.

– Шш... мама... иди сюда...

– Что ты здесь делаешь? – Она мгновенно перешла на конспиративный шепот, широко улыбаясь при этом.

– Я сбежал от нее! – Глазки горели таким же огнем, как у нее самой.

– От кого?

– От мамы Терезы! – Конечно же, от Марии Терезы. Няни.

– Почему ты не спишь? – Она уже была рядом с сыном, осторожно присев на высоких каблуках. – Уже очень поздно.

– Знаю! – с истинным ликованием пятилетнего малыша захихикал он. – Но я хотел увидеть тебя. Посмотри, что мне дала Луиза! – Он протянул полную пригоршню печенья, с любовью подаренного кухаркой, крошки уже сыпались сквозь пухленькие пальчики, оставляя на них шоколадные разводы. – Хочешь попробовать? – Он проворно сунул одно печенье в свой рот, прежде чем протянуть руку маме.

– Тебе следует быть в постели! – все еще шепотом сказала она, с трудом сдерживая смех.

– Ладно, ладно. – Алессандро проглотил еще одно печенье, прежде чем мать успела возразить. – Ты отведишь меня? – Он посмотрел на нее глазенками, от взгляда которых таяла ее душа, и она радостно кивнула. Именно поэтому она больше не работала по одиннадцать часов в день, несмотря на то что ей хотелось каждую минуту быть рядом с Амадео. Это стоило того. Ради его взгляда, его сияющей озорной улыбки.

– А где папа?

– Надеюсь, едет домой. Пошли. – Алессандро осторожно просунул свою чистую ручку в ее, и они направились по длинному, слабо освещенному залу с красивым паркетом к его спальне. Повсюду висели портреты предков Амадео и несколько картин, купленных ими вместе во Франции. Дом скорее напоминал дворец, а не виллу, а иногда, когда они устраивали грандиозные вечера, пары медленно вальсировали по длинному зеркальному залу под звуки оркестра.

– Что мы будем делать, если мама Тереза застанет нас тут? – Алессандро снова посмотрел на мать карими глазами, согревающими душу.

– Не знаю. Ты думаешь, поможет, если мы заплачем? – Он глубокомысленно кивнул, потом захихикал, прикрывая рот ручкой, которая все еще была в крошках.

– Ты нарядная.

– А ты ловкий. Как тебе удалось выбраться из твоей комнаты?

– Через дверь в сад. Луиза сказала, что сегодня вечером испечет печенье.

Комната Алессандро была вся ярко-голубая и заполнена книгами, играми и игрушками. В отличие от остальной части дома, она не была ни элегантной, ни большой, а просто принадлежала ему. Изабелла нарочито глубоко вздохнула, когда подвела его к кровати, и снова улыбнулась.

– Ух, добрались.

Но этого Алессандро уже не мог выдержать. Он рухнул на кровать, восторженно взвизгнув, и стал вытаскивать остальное печенье из кармана – в руке он нес только то, что не поместилось в кармане. Он принялся поглощать его, в то время как Изабелла загоняла его под одеяло.

– И не устраивай большого беспорядка, – ласково предупредила она, хотя на самом деле это ее не особенно волновало. Именно такими и должны быть маленькие мальчишки – с крошками печенья, отломанными колесами, обезглавленными солдатами и пятнами на стенах. Ей все это нравилось, и она любила проводить время с сыном. Все остальное в ее жизни шло достаточно гладко. – Ты обещаешь уснуть, как только покончишь с печеньем?

– Обещаю! – Он торжественно посмотрел на нее восхищенными глазами. – Ты красивая.

– Спасибо. Ты тоже. Доброй ночи, мое сокровище. Спи крепко. – Она поцеловала его в щеку, а затем в шею. Он захихикал.

– Я люблю тебя, мама.

– Я тоже люблю тебя.

Вернувшись к себе, она почувствовала, что, как ни глупо, у нее на глаза наворачиваются слезы. К черту принцессу ди Сант Анджело. Она вдруг обрадовалась, что Амадео опаздывает. Но, боже, который час? Ее каблучки быстро застучали по паркету, и она поспешила обратно в гостиную, чтобы снова взглянуть на часы. Было двадцать пять минут девятого. Как такое возможно? Что происходит? Но она прекрасно знала все, что могло произойти. Проблемы, возникшие в последний момент, срочный звонок из Парижа, Гонконга или Штатов. Ткань, которую невозможно доставить, потому что забастовала текстильная фабрика, да мало ли еще что. Она хорошо представляла, почему можно задержаться на работе. Подобные критические ситуации слишком долго удерживали ее каждый вечер вдали от Алессандро.

Поэтому она решила, что пора позвонить Амадео и встретить его у Дома моды со смокингом на руке.

Она вернулась в свой маленький будуар, обтянутый розовым шелком, и сняла трубку. Его номер стал частью ее пальцев, ее души и мозга. Наконец утомленная секретарша сняла трубку.

– Слушаю. Сан Грегорио.

– Добрый вечер. – Она быстро представилась, хотя в этом не было необходимости, и попросила женщину найти Амадео и соединить его с ней. Последовала пауза, поспешное извинение за задержку, затем снова пауза, и Изабелла начала постукивать ногой и хмуриться. Возможно, что-то случилось. Может быть, он врезался в дерево на своей чертовски скоростной машине. Ей внезапно стало жарко в тяжелом зеленом атласе и показалось, что сердце у нее остановилось, когда трубку взял Бернардо.

– Привет. Что случилось?

– Где, черт возьми, Амадео? Он обещал сегодня приехать домой пораньше. Мы почти на два часа опаздываем на ужин к горгулье.

– К Сант Анджело? – Бернардо хорошо знал ее.

– Конечно. Так где Амадео?

– Не знаю. Я думал, он с тобой. – Слова слишком быстро вырвались у него, и он нахмурился.

– Что? Его нет? – Изабелла впервые испугалась. Может быть, действительно с ним что-то случилось из-за машины.

Но Бернардо ответил быстро, и в его тоне не прозвучало ничего необычного.

– Вероятно, он где-нибудь здесь. Я трудился как проклятый над этим чертовым мылом, которое тебе не понравилось, и с полудня не был в его кабинете.

– Ну, тогда пойди, найди его и передай, чтобы он позвонил домой. Я хочу знать, встретить ли мне его у работы или он хочет заехать домой переодеться. Старая ведьма, наверное, убьет нас. Теперь мы уж никак не успеем к ужину.

– Я пойду поищу его.

– Спасибо. Бернардо, как ты думаешь, что-то случилось?

– Конечно, нет. Я через минуту найду его. – Ничего больше не сказав, он повесил трубку. Изабелла с тяжелым предчувствием уставилась на телефон.

Ее слова звенели в ушах у Бернардо... что-то случилось. Что-то случилось. Именно так он и думал. Он весь день пытался отыскать Амадео, чтобы обсудить сложности, возникшие в связи с этим проклятым мылом. Им понадобится больше денег для проверок, достаточно много, и он хотел получить «добро» у Амадео. Но его не было на работе. Весь день после ленча. Бернардо утешал себя мыслью, что, вероятно, Изабелла с Амадео смылись днем, чтобы уединиться. Они часто делали это, как ему было известно. Но если Амадео был не с ней, то где же он? Ушел один? С кем-нибудь еще? Бернардо отбросил эту мысль. Но тогда где он болтается целый день?

Бернардо принялся прочесывать кабинеты на всех четырех этажах. Но единственное, что ему удалось обнаружить, – это молодую дрожащую секретаршу, все еще печатающую на машинке за своим столом, которая объяснила, что к Амадео приходили двое мужчин, которые случайно врезались в его машину. Она сказала, что синьор Сан Грегорио тогда ушел с ними. Бернардо почувствовал, что бледнеет, поспешил на улицу и, нервничая, влез в свою машину. Заведя «Фиат» и тронувшись с места, он увидел «Феррари» на том же месте, где тот стоял у тротуара с самого утра. Он на мгновение притормозил, проезжая мимо. На автомобиле не было никаких повреждений. Никаких следов прикосновения. У него бешено заколотилось сердце, и он стремглав помчался к дому Изабеллы и Амадео.

Верный своему слову, Бернардо явно отыскал его. Изабелла усмехнулась, поспешно проходя через гостиную к будуару, чтобы ответить на телефонный звонок. Идиот, он, вероятно, забыл о принцессе и ужине у нее, так же как и о времени. Сейчас она ему задаст. Но она не очень-то верила в то, что исполнит свои угрозы. Вряд ли она была способна отругать Амадео, так же как и запретить Алессандро есть шоколадное печенье. Беря телефонную трубку, она представляла улыбающееся, измазанное крошками печенья личико сына.

– Ну, ну, дорогой. Слегка опаздываешь домой, не так ли? И что, черт подери, нам теперь делать с принцессой? – Она уже улыбалась, говоря это, не дождавшись, пока он произнесет первое слово. Она знала, что звонит Амадео.

Но это был не он. Звонил незнакомый мужчина.

– Послушайте, синьора. Я не знаю, что вы собираетесь делать с принцессой. Вопрос в том, что мы собираемся сделать с вашим мужем.

– Что? – О господи, кто-то решил пошутить. Ей только этого не хватало. И на мгновение она почувствовала себя в глупейшей ситуации. Возможно, тайный воздыхатель? Несмотря на то что их номер телефона не значился в справочнике, то и дело звонил какой-то незнакомец. – Извините. Думаю, вы ошиблись номером. – Она уже собиралась повесить трубку, когда снова услышала голос. На этот раз он прозвучал более грубо.

– Подождите! Синьора ди Сан Грегорио, я уверен, что ваш муж пропал. Разве не так?

– Конечно же, нет. – У нее учащенно забилося сердце. Кто этот человек?

– Он задерживается. Ведь так?

– Кто это?

– Неважно. Ваш муж у нас. Здесь... – Послышался резкий вскрик, как будто кого-то толкнули или ударили, а затем заговорил Амадео:

– Дорогая, не паникуй. – Но голос у него был усталым и слабым.

– В чем дело? Это что, шутка?

– Это не шутка. Вовсе нет.

– Где ты? – Она почти не могла говорить из-за охватившей ее паники. Бернардо был прав.

– Я не знаю. Это неважно. Только сохраняй спокойствие. И знай... – Последовала бесконечно мучительная пауза. Все тело Изабеллы охватила дрожь, пока она судорожно сжимала трубку. – ...Знай, что я люблю тебя.

Затем они, должно быть, вырвали у него трубку, и снова заговорил незнакомый мужской голос:

– Удовлетворены? Он у нас. Вы хотите получить его обратно?

– Кто вы? Вы сумасшедшие?

– Нет. Только жадные. – Раздался оглушительный смех, а Изабелла в это время отчаянно пыталась унять дрожь в руке, державшей трубку. – Приготовьте десять миллионов долларов, если хотите получить обратно своего мужа.

– Вы сумасшедшие. У нас нет таких денег. Ни у кого нет.

– У некоторых есть. Например, у вас. Ваш бизнес дает их вам. Достаньте деньги. У вас впереди все выходные на размышления, а мы пока посидим с вашим мужем.

– Я не могу... ради бога... послушайте... пожалуйста...

Но он уже повесил трубку, а Изабелла стояла, рыдая, в своем будуаре. Амадео! Они похитили Амадео! О господи, они сумасшедшие.

Она не слышала ни звонка в дверь, ни того, как прислуга поспешила ее открыть, ни торопливых шагов Бернардо, ринувшегося на звук ее рыданий.

– В чем дело? – Он с ужасом смотрел на нее от двери. Она стояла, потрясенная только что услышанным. – Изабелла, скажи мне, что случилось? Он пострадал? Умер?

Какое-то мгновение она не могла говорить, а затем, не осознавая до конца случившегося, уставилась на Бернардо. Слезы текли по ее лицу. В конце концов она еле слышно произнесла:

- Его похитили.
- О боже.

Глава 3

Часом позже, когда Изабелла с пепельным лицом и вся дрожа все еще сидела в своем будуаре, сжимая руку Бернардо, раздался второй звонок.

– Между прочим, мы забыли сказать вам, синьора. Не звоните в полицию. Если вы это сделаете, мы узнаем и убьем его. И если вы не приедете с деньгами, мы тоже убьем его.

– Но вы не можете. Никак не возможно...

– Не стоит об этом. Просто держитесь подальше от полиции. Они заморозят ваши деньги, как только откроются банки, и тогда ни он, ни вы не будете стоять ни гроша. – Они снова повесили трубку, но на этот раз Бернардо тоже слышал их.

После звонка Изабелла вновь заплакала.

– Нам следовало позвонить в полицию час назад, – произнес Бернардо.

– Черт возьми, я же сказала тебе не делать этого. Они правы. Полицейские будут следить за нами весь уик-энд, а в понедельник заморозят все наши счета, и мы не сможем заплатить выкуп.

– Ты в любом случае не сможешь этого сделать. Понадобится год, чтобы собрать такие деньги. Да и то только Амадео мог бы сделать это. Ты знаешь это лучше меня.

– Меня это не интересует. Мы их достанем. Мы должны.

– Нет. Нам придется позвонить в полицию. У нас нет другого выхода. У тебя нет таких денег, Изабелла. Поэтому нужно найти похитителей и попытаться спасти Амадео. – Бернардо был очень бледен, когда в отчаянии провел рукой по волосам.

– А если они узнают? Тот мужчина сказал...

– Они этого не сделают. Нам придется довериться кому-то. Но, ради бога, мы не можем доверять похитителям.

– Но, может быть, они дадут нам время, чтобы собрать деньги. Люди нам помогут. Мы могли бы позвонить кое-кому в Штаты.

– К черту Штаты. Мы не можем это сделать. Ты не можешь дать им время. А как насчет Амадео, пока ты будешь стараться достать деньги? Что они там делают с ним?

– О господи, Бернардо! Я не могу думать... – Ее голос утонул в слабом стоне, и Бернардо обнял ее дрожащими руками.

– Пожалуйста, позволь мне позвонить, – тихо шепнул он. В ответ она только кивнула. Полицейские прибыли уже через пятнадцать минут. К черному ходу, в старой одежде, похожие на друзей слуг, со старыми поношенными крестьянскими шапками в руках. По крайней мере они попытались скрыть, кем являются, подумала Изабелла, когда Бернардо поспешно впускал их в дом. В конце концов, может быть, он и прав.

– Синьора ди Сан Грегорио? – Полицейский тотчас же узнал ее. Изабелла сидела, словно приклеенная к стулу, застывшая и величественная, все еще в зеленом атласном платье и с изумрудами на шее.

– Да, – чуть слышно произнесла она. На глаза вновь навернулись слезы, и Бернардо крепко сжал ее руку.

– Нам очень жаль. Мы знаем, что вам очень больно, но мы должны знать все. При каких обстоятельствах, когда, кто последним видел его, были ли угрозы раньше, есть ли кто-нибудь на работе или в вашем доме, кого вы по каким-либо причинам могли бы подозревать? Ничего нельзя упускать из виду. Ни доброты, ни обходительности, ни лояльности к старым друзьям. На карту поставлена жизнь вашего мужа. Вы должны помочь нам. – Они подозрительно посмотрели на Бернардо, который спокойно выдержал их взгляд. Изабелле пришлось объяснить, что именно Бернардо настоял на том, чтобы позвонить в полицию.

– Но они сказали... они сказали, что если мы позвоним... то... – Она не могла продолжать.

– Мы знаем.

Они бесконечно долго задавали вопросы Бернардо и терпеливо просидели с Изабеллой в течение двух часов невыносимо болезненного допроса. К полуночи они закончили. Им рассказали обо всем, что их интересовало: о людях, уволенных с работы, интригах и соперниках, забытых врагах и заимевших на них зуб друзьях.

– А они ничего не сказали о том, когда, где и как они хотят получить деньги? – Изабелла с несчастным видом отрицательно покачала головой. – Я подозреваю, что они – любители. Возможно, удачливые, но тем не менее не профессионалы. Об этом говорит их второй звонок, чтобы напомнить вам не звонить в полицию. Профессионалы сказали бы это сразу же, – сделал вывод мрачный старший полицейский.

– Мне тоже так показалось. Именно поэтому я не позволила господину Франко сразу позвонить вам.

– Вы поступили разумно, изменив свое намерение, – снова заговорил старший полицейский утешительно и с сочувствием. Он был специалистом по похищениям в римской полиции. И, к сожалению, за последние годы у него накопился слишком богатый опыт.

– Нам поможет то, что они любители? – Изабелла с надеждой посмотрела на него, молясь, чтобы он сразу же ответил «да».

– Возможно. Подобные дела очень деликатные. И мы будем действовать соответствующим образом. Доверьтесь нам, синьора. Я вам обещаю сделать все от нас зависящее. – Затем он немного помолчал, вспоминая, о чем еще забыл спросить. – Вы куда-то собирались пойти сегодня вечером? – Он взглянул на ее драгоценности и платье.

Она кивнула.

– Нас пригласили на ужин... на вечер... О, какое это теперь имеет значение?

– Все имеет значение. На вечер к кому?

– К принцессе ди Сант Анджело. Вы и ее станете допрашивать? – О господи, бедная горгулья.

– Только если это будет необходимо. – Инспектору было знакомо это имя. Самая грозная вдова в Риме. – Но на данный момент разумнее всего, если вы никому ничего не будете рассказывать. Не выходите и ничего не говорите друзьям. Скажите всем, что вы больны. Но на звонки отвечайте сами. Скорее всего, похитители захотят разговаривать только с вами. Нам нужно как можно скорее узнать все их требования. У вас есть маленький сын? – Она молча кивнула. – Пусть он тоже остается дома. Весь дом будет окружен охранниками. Незаметно, но надежно.

– Мне следует и слуг держать в доме?

– Нет. – Он решительно покачал головой. – Ничего им не говорите. И, возможно, кто-нибудь из них выдаст себя. Пусть они уходят, как обычно. Мы проследим за всеми.

– Вы думаете, это кто-то из них? – Изабелла выглядела мертвецки бледной, но не теряющей надежду. Ее не волновало, кто это мог быть, только бы они нашли Амадео вовремя, прежде чем эти лунатики что-либо сделают с ним, пока они... Она не могла даже подумать о возможных последствиях и не хотела. Только не с Амадео. Только не с ним. Слезы снова навернулись ей на глаза, и инспектор отвел взгляд.

– Нам просто надо проверить. А для вас, к сожалению, это будет очень трудное время.

– А что насчет денег? – Но, сказав это, она тотчас же пожалела о вырвавшихся у нее словах. Лицо инспектора вдруг стало строгим. – Что насчет них?

– Нам... мы...

– Все ваши счета и счета вашего Дома моды будут заморожены в понедельник утром. Мы уведомим ваш банк до его открытия.

– О боже. – Она с ужасом взглянула на Бернардо, а затем гневно посмотрела на него и на полицейского. – А как, по вашему мнению, нам работать?

– В кредит. Некоторое время. – Лицо инспектора тоже казалось застывшим. – Я уверен: у Дома Сан Грегорио с этим не будет проблем.

– То, в чем уверены вы и в чем уверена я, – две разные вещи. – Она резко встала, сердито сверкая глазами. Изабелла хотела быть уверенной в том, что в любой момент сможет воспользоваться деньгами, когда ей понадобится платить выкуп за Амадео, если планы полицейских не сработают. Черт их возьми, черт подери Бернардо, черт...

– А теперь мы позволим вам немного поспать. – Впервые в жизни ей захотелось громко крикнуть: «А пошел ты...», но она этого не сделала. Изабелла только стиснула зубы и сжала кулаки, а через мгновение они удалились, и она осталась к комнате наедине с Бернардо.

– Вот видишь, черт тебя подери! Вот видишь! Я же говорила, что они сделают это. Что мы теперь будем делать, черт возьми?

– Ждать. Пусть они делают свою работу. Молись.

– Разве ты не понимаешь? Амадео у них. Если мы не отдадим десять миллионов долларов, они убьют его! Тебе это не приходило в голову? – В какой-то миг она подумала, что сейчас даст ему пощечину, но выражение его лица говорило, что она уже сделала это.

Она злилась, буйствовала и плакала. В ту ночь Бернардо остался ночевать в их доме. Они ничего не могли предпринять. Были выходные, их счета заморожены. А самое главное, они все равно не смогли бы набрать требуемой суммы. Им оставалось только ждать, молиться и надеяться на судьбу.

Изабелла так и не легла в ту ночь. Она сидела, плакала, искала выход. Ей хотелось перебить все кругом или упаковать и предложить в качестве выкупа... все, что угодно... лишь бы вернуть его домой...

Им пришлось ждать целые сутки до следующего звонка. Они по-прежнему требовали десять миллионов долларов ко вторнику, а сегодня был субботний вечер. Изабелла пыталась убедить их, что этот срок нереален, ведь сейчас выходные и невозможно достать всю сумму, когда банки, учреждения и даже их Дом моды закрыты. Но их это ничуть не волновало. Вторник – крайний срок. Они считали, что и так дали ей слишком много времени. Позже они укажут место. На сей раз они не позволили ей поговорить с Амадео.

– Откуда мне знать, что он еще жив?

– Ниоткуда. Но он жив. И будет жить, пока вы не свяжетесь с полицейскими. А если мы получим деньги, с ним все будет в порядке. Мы вам позвоним. До свидания, синьора.

– О боже... что же теперь?

К утру воскресенья она была похожа на призрак, с темными кругами под глазами и смертельно бледным лицом. Бернардо приходил и уходил, стараясь поддерживать впечатление, что все нормально, и бросая фразы о том, что Амадео звонил ему из поездки. Было легко поверить в то, что она больна. Она и выглядела больной. Но никто из слуг ничем себя не выдал. Казалось, никто не знает правду. И полиция ничего не выяснила. В воскресенье к вечеру Изабелла была уверена, что сойдет с ума.

– Я не могу, Бернардо, я больше не могу. Они ничего не делают. Должен быть какой-то другой выход.

– Какой? Очевидно, даже мои личные счета будут заморожены. Завтра мне придется занять у матери сотню долларов. Полицейские сказали, что я не могу получить деньги даже по чеку в моем банке.

– Они собираются заморозить и твои счета? – Он молча кивнул. – Проклятие.

Но все же оставалось нечто такое, что они не могли заморозить, то, до чего они не могли добраться. Изабелла пролежала без сна всю воскресную ночь, подсчитывая, прикидывая, гадая, а утром пошла к сейфу. Не десять миллионов, но хотя бы один. А может, даже

и два. Она отнесла длинные зеленые бархатные коробочки, в которых хранила свои ювелирные украшения, в свою комнату, заперла дверь и разложила все на постели. Изумруды, новое кольцо в десять каратов от Амадео, рубиновое кольцо, которое она не любила за его вычурность, ее жемчуга, обручальное кольцо с сапфиром, подаренное ей Амадео десять с половиной лет назад, бриллиантовый браслет ее матери, бабушкины жемчуга. Она сделала тщательную опись и молча сложила лист. Затем она вывалила содержимое всех коробочек на большой шарф от Гуччи и засунула тяжелый узел в большую старую коричневую кожаную сумку. Она ужасно оттягивала ей плечо, но это ее не волновало. К черту полицию с их бесконечным наблюдением, проверками и ожиданием того, что будет дальше.

Единственным человеком, которому она могла доверять, был Альфредо Паччиоли. Ее семья и семья Амадео долгие годы сотрудничали с ним. Он покупал и продавал ювелирные украшения для принцесс и королей, государственных деятелей и всех значительных людей Рима. Он всегда был ее другом.

Изабелла молча оделась, натянула коричневые брюки и старый кашемировый свитер; она потянулась за норковым жакетом, но передумала и надела старый замшевый пиджак, а на голову повязала шарф.

Теперь она была совсем не похожа на Изабеллу ди Сан Грегорио. Она посидела минутку, раздумывая, как ей незаметно выйти из дома и обмануть охранников. А затем решила, что это не имеет никакого значения и ей не надо прятаться от них. Главное – раздобыть деньги. Нужно было сделать так, чтобы никто не узнал ее, когда она окажется там. Она позвонила Энцо в его комнату над гаражом и попросила подъехать к черному входу через десять минут. Ей захотелось немного покататься.

Через десять минут шофер ждал ее в машине, и Изабелла, крадучись, выбралась из дома. Ей не хотелось, чтобы Алессандро увидел ее, не хотелось отвечать на его вопросы. Последние четыре дня она говорила, что больна и не хочет его заразить, поэтому он должен развлекаться сам и играть с мамой Терезой, его няней, в своей комнате или в саду. Папа уехал в командировку; из школы позвонили и сказали, что у всех каникулы. Слава богу, что ему всего пять лет. Пробираясь к выходу, ей вновь удалось избежать встречи с сыном, и она вдруг почувствовала признательность к Марии Терезе за умение развлекать ребенка. Сейчас она была просто не в состоянии общаться с ним, не смогла бы смотреть на него, не схватив его крепко в объятия и не разрыдавшись от страха.

– Вам лучше, синьора? – Энцо задумчиво посмотрел на нее в зеркало заднего обзора, когда они отъехали. Она лишь слегка кивнула в ответ и назвала ему адрес магазина рядом с принадлежавшим Паччиоли и не очень далеко от ее собственного Дома моды, решив, что ее ничуть не волнует, если Энцо узнает, зачем она туда едет. Если он был одним из заговорщиков, то пусть знает, что она приложила все усилия. Изабелла больше никому не могла доверять. Ни теперь, ни вообще никогда. А Бернардо, черт его подери, как он мог оказаться настолько прав? Она вновь старалась не расплакаться, пока они добирались до указанного адреса. Поездка заняла меньше пятнадцати минут; она быстро заскочила в два магазина, а затем исчезла в салоне Паччиоли. Как и Дом моды Сан Грегорио, он имел ничем не примечательный фасад с адресной табличкой. Она вошла внутрь безмолвного бежевого холла и обратилась к молодой женщине, сидящей за большим столом в стиле Людовика XV.

– Я желаю видеть синьора Паччиоли. – Даже в шарфе и без макияжа ей трудно было избавиться от приказного тона. Но на молодую женщину он не произвел впечатления.

– Мне очень жаль, но у мистера Паччиоли деловая встреча. К нему прибыли клиенты из Нью-Йорка. – Она подняла взгляд, как бы ожидая, что посетительница поймет и удалится. Но Изабелла пропустила ее слова мимо ушей. Коричневая кожаная сумка сильно врезалась в ее плечо.

– Меня это не волнует. Скажите ему, что его хочет видеть Изабелла.

Женщина поколебалась, но всего лишь мгновение.

– Хорошо. – В посетительнице чувствовалось отчаяние, пугающее безумие во взгляде, когда она поправляла сумку на плече. В какой-то миг молодая женщина взмолилась, чтобы у этой странной, взъерошенной незнакомки не оказалось оружия. Но в таком случае тем более стоило вызвать мистера Паччиоли. Она пошла по длинному узкому холлу, оставив Изабеллу с двумя охранниками в синей униформе. И меньше чем через минуту вернулась вместе со спешащим рядом с ней Альфредо Паччиоли. Ему было слегка за шестьдесят, он был почти лысым с аккуратной белой челкой, хорошо сочетающейся с его усами и подчеркивающей смеющиеся голубые глаза.

– Изабелла, милая, как поживаете? Ищете, что купить для демонстрации ваших коллекций?

Но она только покачала головой.

– Могу я минутку поговорить с вами?

– Конечно. – Затем он повнимательнее пригляделся к ней, и ему не понравился ее вид. С ней явно произошло что-то ужасное. Как будто она была тяжело больна или, возможно, слегка рехнулась. То, что она сделала через мгновение, подтвердило это: Изабелла молча распахнула коричневую сумку и вытащила завернутый в шелк сверток, высыпав его содержимое на стол.

– Я хочу продать это. Все. – Значит, она сошла с ума? Или возникла стычка с Амадео? Неужели он изменил ей? Ради бога, что же произошло?

– Изабелла... дорогая... это невыносимо. Эти вещи многие годы принадлежали вашей семье. – Он с ужасом взирал на изумруды, бриллианты, рубины, на кольцо, которое он продал Амадео всего несколько месяцев назад.

– Я должна. Не спрашивайте меня, почему. Пожалуйста, Альфредо, мне нужна ваша помощь. Просто сделайте это.

– Вы серьезно? – Неужели их бизнес внезапно рухнул?

– Абсолютно. – Теперь он понял, что она не больна и не безумна, а случилось нечто очень серьезное, даже ужасное.

– Но на это может потребоваться некоторое время. – Он с любовью дотрагивался до изящных украшений, прикидывая в уме, куда можно пристроить каждое из них, хотя это не доставит ему удовольствия. Продажа фамильных драгоценностей была равносильна продаже семьи или ребенка с аукциона. – У вас действительно нет другого выхода?

– Никакого. И у меня совсем нет времени. Дайте мне за них, сколько можете, сейчас. Сами. И не обсуждайте это ни с кем. Ни с единым человеком. Это дело... это... о господи, Альфредо, пожалуйста. Вы должны помочь мне. – Ее глаза вдруг наполнились слезами, и он протянул руку, вопросительно глядя на нее.

– Я боюсь спрашивать. – Уже дважды случалось нечто подобное. Первый раз – год назад. А второй – всего неделю назад. Это было страшно... ужасно... и ничего не вышло.

– Не спрашивайте. Я не могу ответить вам. Просто помогите мне. Пожалуйста.

– Ладно. Ладно. Сколько вам нужно?

– Десять миллионов долларов.

– О боже.

– Если вы не можете дать необходимую мне сумму, дайте сколько можете. Наличными.

Он удивленно посмотрел на нее, а затем кивнул.

– Я могу вам дать... – он быстро подсчитал имевшиеся у него на тот момент наличные деньги, – около двухсот тысяч долларов. И, возможно, столько же через неделю.

– Вы не могли бы дать мне их сегодня? – У нее был такой отчаянный вид, что на миг ему показалось, что она вот-вот упадет в обморок.

– Я не могу, Изабелла. Мы только что произвели огромные закупки на Дальнем Востоке и почти все деньги вложили в драгоценные камни. Понятно, что это совсем не то, что вам надо. – Он взглянул на груды бриллиантов, а потом снова задумчиво посмотрел ей в глаза. Внезапно он почувствовал такой же страх, как и она. Ее отчаяние было заразительным. – Вы можете подождать немного, пока я сделаю несколько звонков?

– Кому? – Ее глаза мгновенно наполнились ужасом, и он увидел, как у нее снова задрожали руки.

– Доверьтесь мне. Некоторым коллегам и друзьям. Возможно, мы сможем собрать еще некоторую сумму. И... Изабелла... – Он заколебался, но подумал, что понял правильно. – Это должны быть... наличные?

– Да.

Значит, он прав. Теперь и у него задрожали руки.

– Я сделаю все, что смогу. – Он сел рядом с ней, снял трубку и позвонил пятерым или шестерым друзьям. Ювелирам, скорнякам, какому-то теневому банкиру, профессиональному игроку, который когда-то был его клиентом, а потом стал близким другом. У них он смог набрать еще триста тысяч долларов наличными. Он сказал ей об этом, и она кивнула. Итого, пятьсот тысяч. Полмиллиона долларов. Одна двадцатая часть того, что они требовали. Пять процентов. Он с грустью смотрел ей в глаза. – Это поможет? – Он поймал себя на том, что молится, чтобы помогло.

– Должно помочь. Как я смогу получить их?

– Я немедленно пошлю курьера и возьму часть ваших украшений для других ювелиров. – Она бесстрастно наблюдала, как он отобрал несколько вещей. Когда он взял кольцо с бриллиантом, она закусила губу, чтобы сдержать слезы. Ничто не имело значения – только Амадео.

– Этого хватит. Деньги будут здесь у меня через час. Вы можете подождать?

Она слегка кивнула.

– Отправьте вашего курьера через черный ход.

– За мной следят?

– Нет, за мной. Но моя машина стоит у главного входа, и они могут наблюдать за выходящими отсюда. – Он больше не задавал вопросов. В этом не было необходимости.

– Хотите кофе, пока будете ждать? – Она только покачала головой, и он ушел, нежно похлопав ее по руке. Он чувствовал себя совсем беспомощным, и так оно и было. Изабелла просидела в молчаливом одиночестве чуть больше часа, ожидая, думая, стараясь не позволять своим мыслям ускользать к мучительно болезненным воспоминаниям о нежных мгновениях, проведенных с Амадео. Мысленно она возвращалась к первым и последним встречам, к радостным моментам, когда она впервые увидела его с крошечным Алессандро на руках, к их первой коллекции, которую они представили с бесподобной смелостью и восторгом, к медовому месяцу, к первому отпуску, к первому дому, к первому разу, когда они занимались любовью, и к последнему, всего четыре дня назад... Воспоминания были невыносимы, они разрывали ей сердце. Мгновения, голоса и лица перемешались в ее голове, и она, пытаясь прогнать их, вдруг чувствовала, как в ее душе поднимается паника. Час ожидания показался ей бесконечным. Паччиоли вернулся и передал ей длинный коричневый конверт – пятьсот тысяч долларов наличными.

– Спасибо, Альфредо. Я всю жизнь буду признательна вам. И Амадео тоже, пока будет жив. – Конечно, это не десять миллионов, но начало все же положено. Если правы полицейские и похитители действительно являются любителями, возможно, даже полмиллиона покажутся им приличной суммой. Должны показаться. Ведь это единственное, что у нее оставалось после того, как все счета были заморожены.

– Изабелла... могу ли... могу ли я еще что-нибудь сделать?

Она отрицательно покачала головой, открыла дверь и вышла, поспешив пройти мимо молодой женщины за секретарским столом, которая приятным голосом обратилась к ней. Услышав ее, Изабелла остановилась.

– Что вы сказали?

– Я сказала, доброе утро, миссис ди Сан Грегорио. Я слышала, как мистер Паччиоли упомянул о коллекциях, и поняла, что это вы... простите... я сначала не узнала вас...

– Вы не узнали. – Изабелла резко повернулась к ней. – Вы не узнали, потому что меня здесь не было. Понятно?

– Да... да... извините... – О, боже милосердный, эта женщина действительно сумасшедшая. Но было что-то еще. Что же? Сумка... теперь она не казалась такой тяжелой. Изабелла легко перекинула ее через плечо. Что же было там такое важное и тяжелое?

– Вы поняли меня? – Изабелла продолжала пристально смотреть на секретаршу. Бессонные ночи сильно отразились на ней: она выглядела не только изможденной, но и поистине безумной. – Потому что, если вы не поняли, если скажете кому-либо, хоть кому-нибудь, что я была здесь, то останетесь без работы. Навсегда. Я позабочусь об этом.

– Я понимаю. – Значит, она продает свои украшения. Сука. Молодая женщина вежливо кивнула, и Изабелла поспешила прочь.

* * *

Изабелла приказала Энцо отвезти ее домой. Она прождала у телефона несколько часов, не двигаясь с места. Просто сидела, заперевшись в спальне. На вопрос Луизы насчет принесенного ею завтрака Изабелла кратко ответила «нет». Бдение продолжалось. Они должны были позвонить. Уже понедельник. Они хотели получить деньги завтра. Им надо будет сообщить, где их оставить и в какое время.

Но до семи вечера они так и не позвонили. Она слышала, как Алессандро с грохотом пронесся через зал, и тотчас же голос мамы Терезы с укоризной напомнил ему, что мама простужена. Затем снова воцарилась тишина, пока в конце концов не раздался резкий стук в дверь.

– Впусти меня. – Это был Бернардо.

– Оставь меня в покое. – Она не хотела, чтобы он находился в комнате, когда они позвонят. Ей даже не хотелось говорить ему о драгоценностях. Вдруг он расскажет полиции. А с нее уже хватит этой чепухи. Теперь она сама обо всем позаботится. Она могла пообещать им миллион: полмиллиона сейчас, вторую половину через неделю.

– Изабелла, я должен поговорить с тобой. Пожалуйста.

– Я занята.

– Меня это не волнует. Пожалуйста. Я должен... тут кое-что, я должен показать тебе. – На миг ей показалось, что у него надломился голос.

Тогда она сказала ему:

– Просунь под дверь.

Это оказалась вечерняя газета. Пятая страница. «Сегодня Изабеллу ди Сан Грегорио видели в салоне Паччиоли...» Там описывалось, как она была одета, как выглядела и были перечислены почти все украшения, которые она только что продала. Но как? Кто? Альфредо? Потом она поняла. Девушка. Услужливая маленькая сучка в приемной. У Изабеллы упало сердце, и она отперла дверь.

Бернардо стоял там, безмолвно плача, уставившись в пол.

– Почему ты сделала это?

– Я должна была. – Но вдруг ее голос сорвался. Если это появилось в газетах, то похитители тоже узнают. И они поймут и остальное: раз она продает свои драгоценности, значит, ее счета, скорее всего, заморожены. Они догадятся, что она сообщила полиции. – О, нет.

Они больше ничего не сказали друг другу. Бернардо просто вошел в комнату и молча занял свое место у телефона.

Звонок раздался в девять. Звонил тот же голос, тот же мужчина.

– Все кончено, синьора. Вы донесли.

– Нет. Правда. – Но в ее голосе неистово звенела ложь. – Но я должна была раздобыть больше денег. Мы не могли собрать достаточную сумму.

– Вы никогда и не сможете. Если даже вы и не сообщили полицейским, то теперь они все равно узнают. Они обязательно сунут свой нос. Если не вы, то кто-нибудь другой расскажет им.

– Но больше никто не знает.

– Черт возьми. За каких дураков вы нас принимаете? Послушайте, вы хотите попроситься с вашим муженьком?

– Нет, пожалуйста... подождите... У меня есть деньги для вас. Миллион... – Но он уже не слушал, и трубку взял Амадео.

– Изабелла... дорогая... все в порядке.

Все в порядке? Он сошел с ума? Но если даже так, это не волновало ее. Ей никогда еще не было так приятно слушать его голос, и сердце у нее никогда так не замирало и не подпрыгивало, как сейчас. Он все еще там, они не причинили ему вреда. Возможно, все еще будет хорошо. Пока Амадео там, пусть неизвестно где, все в порядке.

– Ты вела себя очень смело, дорогая. Как Алессандро? Он знает?

– Конечно, нет. И с ним все в порядке.

– Хорошо. Поцелуй его за меня. – Ей показалось, что она услышала, как у него задрожал голос, и она крепко зажмурила глаза. Она не могла заплакать. Только не сейчас. Она должна была оставаться такой же смелой, какой он ее считал. Должна была. Ради него. – Я хочу, чтобы ты... всегда... знала, как сильно я люблю тебя, – говорил он. – Какая ты идеальная. Какая ты хорошая жена. У меня не было ни одного несчастлив дня с тобой, дорогая. Ни единого. – Теперь она открыто плакала и пыталась подавить всхлипы, перехватывающие ей горло.

– Амадео, дорогой, я люблю тебя. Очень люблю. Пожалуйста... приезжай домой.

– Я приеду, дорогая. Я приеду. Я обещаю тебе. Я и сейчас с тобой. Только побудь смелой еще немного.

– Ты тоже, любимый. Ты тоже. – На этом связь оборвалась.

Полиция нашла его на следующее утро возле склада в пригороде Рима задушенным, но все еще очень красивым.

Глава 4

Полицейские машины окружали лимузин, который Энцо медленно направлял в центр Рима. Она выбрала церковь неподалеку от Дома моды Сан Грегорио, рядом с площадью Испании. Церковь Святого Стефано. Они заходили туда, когда встречались до свадьбы и хотели где-нибудь передохнуть немного после длительных прогулок во время ленча. Это была старинная, простая и красивая церковь, она казалась Изабелле более подходящей, чем другие более величественные соборы Рима.

Бернардо сидел в машине рядом с ней, в то время как она устремила вперед невидящий взор, глядя в затылок Энцо. Был ли это он? Или кто-нибудь еще? Кто их предал? Теперь это не имело значения. Амадео больше нет. Он унес с собой теплоту и смех, любовь и мечты. Ушел. Навсегда. Она все еще находилась в шоке.

Прошло два дня после ее визита к Альфредо Паччиоли, когда она шла туда, прижимая шарф с завязанными в него бриллиантами. Два дня. Она ощущала свинцовую тяжесть, как будто тоже умерла.

– Изабелла... хорошая моя... – Бернардо осторожно прикоснулся и молча взял ее за руку. Он почти ничего не мог сделать и проплакал целый час, когда ему позвонили из полиции и сообщили, что найдено тело Амадео. Потом заплакал вновь, когда Алессандро бросился в его объятия.

– Они убили моего папочку... они... они...

Ребенок рыдал, в то время как Изабелла стояла рядом, позволяя ему находить хоть какое-то утешение от присутствия мужчины. Теперь у него больше нет мужчины рядом, нет отца, нет Амадео. Он посмотрел на мать с таким страхом в темных, печальных глазах.

– Они когда-нибудь заберут и тебя?

– Нет, – ответила она. – Нет, никогда. – И она крепко сжала его в своих объятиях. – И они никогда не заберут и тебя, мое сокровище. Ты мой.

Глядя на них, Бернардо казалось, что он не выдержит, а теперь еще и это. Изабелла, застывшая, как лед, в черных чулках, в черном пальто и шляпе с густой черной вуалью. Она только подчеркивала ее красоту, не скрывала, а скорее выделяла ее. Он, ни слова не говоря, принес ей обратно все украшения. Сегодня на ней было только обручальное кольцо и большой солитер, подаренный ей на десятую годовщину несколько месяцев назад. И это все? Неужели они видели его в последний раз всего пять дней назад? Неужели он действительно больше никогда не вернется? Бернардо почувствовал себя пятилетним ребенком, когда посмотрел на мертвое лицо Амадео ди Сан Грегорио, такое спокойное и умиротворенное. Сейчас он еще больше, чем когда-либо, походил на статуи или картины, изображавшие молодых грациозных юношей Древнего Рима. И вот он мертв.

Бернардо молча помог Изабелле выйти из машины и крепко держал ее за руку, когда они вошли в церковь. Полицейские и охранники стояли возле каждого входа, а внутри сидела целая армия скорбящих.

Похороны были короткими и невыносимо мучительными. Изабелла молча сидела рядом с ним, и под черной вуалью у нее по лицу непрестанно текли слезы. Служащие, друзья и родственники открыто рыдали. Там была даже горгулья со своей эбонитовой тростью с золотым набалдашником.

Казалось, прошли годы, прежде чем они возвратились домой. Вопреки обычаю, Изабелла заявила, что никого не желает видеть дома. Никого. Она хотела, чтобы ее оставили одну. Как знать, кто из них предал его? Но теперь Бернардо знал, что вряд ли это кто-то из их знакомых. Даже полиция ничего не смогла установить. Они предполагали, и скорее всего правильно, что это были удачливые любители, жаждавшие урвать кусок от состояния

семейства Сан Грегорио. Не было ни отпечатков пальцев, никаких доказательств, ни очевидцев, не было больше и телефонных звонков. Да больше и не будет, полиция была уверена в этом. За исключением сотен, а может быть, и тысяч чудаков, которые могли бы начать свои ужасные игры. Теперь полиция прослушивала ее телефон в ожидании нападок ничтожных безумцев, которые находят удовольствие в преследовании, насмешках, колкостях, признаниях и угрозах или в том, чтобы изрыгать непристойности по телефону. Ей сказали, чего она может ожидать. Бернардо перекошило при мысли об этом; ей и так хватало переживаний.

– Где Алессандро? – Бернардо пил кофе после похорон, думая, каким вдруг невыносимо пустым кажется дом, и устыдился при мысли о том, что благодарен богу, что уж если судьба решила забрать кого-то, то им оказался Амадео, а не ребенок. Изабелла не смогла бы сделать подобный выбор. Но для Бернардо это было ясно. Так же как и для Амадео. Он бы с радостью пожертвовал собой, чтобы спасти своего единственного сына.

– Он в своей комнате с няней. Ты хочешь увидеться с ним? – Изабелла подняла на него безжизненный взор.

– Я могу подождать. Во всяком случае, я хотел поговорить с тобой кое о чем.

– О чем? – Теперь с ней было трудно разговаривать, и она не разрешала доктору дать ей какое-нибудь успокоительное. Бернардо точно знал, что она действительно не спала почти неделю.

– Думаю, вам надо уехать.

– Не говори ерунду. – Она раздраженно поставила чашку и уставилась на него. – Со мной все в порядке.

– Особенно если судить по твоему виду. – Он выдержал ее взгляд, и на мгновение на ее лице мелькнула улыбка. Впервые за неделю между ними возникла прежняя напряженность. Знакомая и успокаивающая.

– Ладно, я действительно устала. Но со мной все будет нормально.

– Если только ты не останешься здесь.

– Ошибаешься. Мне надо быть именно здесь. Возле его вещей, его дома... возле него...

– Почему бы тебе не съездить в Штаты?

– Почему бы тебе не заткнуться? – Она со вздохом откинулась на спинку кресла. – Я никуда не поеду, Бернардо. Не дави на меня.

– Ты слышала, что сказали полицейские. Начнут звонить всякие идиоты, сводя тебя с ума. Уже сейчас пресса не собирается оставлять тебя в покое. Тебе так хочется жить? А что ты планируешь для Алессандро? Ты даже не можешь снова послать его в школу.

– В конце концов, он сможет вернуться туда.

– Тогда уезжай на несколько месяцев. Ну хотя бы на месяц. Что заставляет тебя оставаться здесь?

– Все. – Медленно снимая шляпу с вуалью, она посмотрела на него так, как будто все давно и хорошо обдумала. Теперь в ее взгляде на него было нечто решительное и пугающее.

– Что это значит?

– Это значит, что в понедельник я возвращаюсь на работу. Я буду работать по несколько часов ежедневно. С девяти до часа или до двух. Сколько потребуется.

– Ты шутишь?

– Вовсе нет.

– Изабелла, это невозможно. – Он был поражен.

– Я смогу, и я это сделаю. Кто же, по-твоему, будет теперь заниматься нашим делом – теперь, когда... его больше нет? – Она на мгновение запнулась, произнося эти слова. Бернардо взял себя в руки, как только услышал их.

– Я думал, что мог бы сам заняться этим. – На миг в его голосе промелькнула обида и напряженность. Она отвернулась, но затем вновь посмотрела на него.

– Ты мог бы. Но я не могу так поступить. Я не могу сидеть здесь и отречься от всего. Я не могу бросить то, что мы делали вместе с Амадео, предать то, что он создал, то, что мы любили и чего добились вместе. Теперь его нет, Бернардо. Я обязана сделать это ради него. И ради Алессандро. Когда-нибудь наше дело перейдет к нему. Тебе и мне придется научить его тому, что ему необходимо знать. Тебе и мне. Нам обоим. Я не могу сделать это, сидя здесь. Если бы я поступила так, то потом я могла бы только рассказывать ему, как все было двадцать лет назад, «когда твой папа был жив». Я обязана сделать для него нечто большее, и не только для него, но и для Амадео, для тебя и себя самой. Я возвращаюсь в понедельник.

– Я не говорю, что ты не должна возвращаться. Я только хотел сказать, что это слишком рано. – Он старался, чтобы его слова прозвучали мягко, но он не был Амадео. Он не мог вести себя с ней так мягко, как это делал он.

Но на сей раз она только покачала головой, и на глаза у нее навернулись слезы.

– Нет, Бернардо... не слишком рано. Скорее... слишком... слишком поздно. – Он взял ее за руку и подождал, пока она не взяла себя в руки. – Что бы я делала здесь? Бродила по дому? Открывала его шкафы? Сидела в саду? Ждала в своем будуаре? Кого? Человека... – Она невольно всхлипнула, хотя и сидела спокойно, высоко подняв голову. – ...Мужчину... которого я любила... и который больше никогда... не вернется... домой. Я должна... вернуться на работу. Там я найду его. Я буду встречать его каждый день во множестве самых разных вещей. В том, что больше всего имеет значение. Я просто... должна. И все. Даже Алессандро понимает это. Я сказала ему об этом утром, и он все прекрасно понял. – Она произнесла это с гордостью, ведь у нее был такой хороший мальчик.

– В таком случае ты делаешь его таким же безумным, как и сама. – Но Бернардо сказал это по доброте душевной, и Изабелла только улыбнулась.

– Могу я сделать его таким же безумным, как я сама, Бернардо. И таким же прекрасным, каким был его отец. Могу я сделать его таким чудесным. – Сказав это, она встала, и он в первый раз за эти дни увидел у нее настоящую улыбку и слабый отблеск того, что искрилось в ее глазах всего несколько дней назад, совсем недавно. – Теперь мне надо побыть одной. Немножко.

– Когда я увижу тебя? – Он встал, наблюдая за ней. Изабелла все еще была там. Пусть спящая, ждущая, но она вновь оживет. Теперь он был уверен в этом. В ней было слишком много жизни, чтобы не воскреснуть.

– Конечно, ты увидишь меня в понедельник утром. В моем кабинете.

Он молча посмотрел на нее и ушел. Ему было о чем подумать.

Глава 5

Изабелла ди Сан Грегорио действительно появилась в офисе в понедельник утром. Потом она приходила туда каждый день, находясь там с девяти до двух и внушая трепет, ужас, восхищение и уважение. Она сочетала в себе все: огонь и сталь, душу и силу воли. Амадео всегда знал это. Теперь она взяла на себя его заботы, так же как и свои, и тысячу прочих. По вечерам дома, в своей комнате, она долго работала с бумагами после того, как Алессандро ложился спать. Теперь в жизни Изабеллы было только два интереса: работа и ребенок. И больше ее почти ничего не интересовало. Она была напряженной, уставшей, печальной, но делала все, что пообещала. Приняв все меры предосторожности, она снова отправила Алессандро в школу с охранником. Она учила сына быть гордым, смелым и ничего не бояться. Она учила его всему, что было присуще ей, и все же умудрялась дать ему нечто большее: терпение и любовь. Утрата Амадео отняла у них почти все, но сблизила и сделала их друзьями. Труднее всех пришлось Бернардо. Именно он принял на себя ее печали, тревоги и усталость. Ему казалось, что он делает очень мало, и он работал еще усерднее, дольше, больше. Но все же она старалась стать основой, центром, сердцем и душой Дома моды Сан Грегорио. Ему же оставалась самая тяжелая и нудная работа. И горечь. И раздражение, которое проявлялось при каждой их встрече. Сражения стали постоянными, но теперь не было Амадео, чтобы умирять их. Изабелла хотела одновременно быть и собой, и Амадео, но ей не с кем было поделиться своими мыслями и проблемами, как она это делала раньше с мужем. Она продолжала командовать, и это создавало еще большее напряжение, чем когда-либо. Но, по крайней мере, дело не пострадало после ухода из жизни Амадео. Спустя месяц положение компании стабилизировалось, а через два месяца стало даже лучше, чем год назад. Не изменились только взаимоотношения между Бернардо и Изабеллой и ее внешний вид. Телефон звонил днем и ночью, дома и на работе. Как и было обещано, постоянно объявлялись какие-то идиоты, и на них градом сыпались угрозы, обвинения, признания, разглагольствования, непристойности, выражения симпатии и сомнительные предложения. Она больше не отвечала на звонки. Три человека занимались этим круглосуточно на вилле, а еще трое сидели на телефоне в офисе. Но ничто не способствовало установлению личности похитителей, и теперь стало ясно, что их уже никогда не найдут. Изабелла понимала это. Она также знала, что в конце концов ее оставят в покое. Когда-нибудь... Она могла подождать. Но Бернардо был иного мнения.

– Ты сумасшедшая. Ты не можешь продолжать так жить. Ты уже похудела на пять килограммов. От тебя практически остались только кожа да кости.

Конечно, он совсем так не думал; она всегда казалась ему красивой, но все же она выглядела больной.

– Телефонные звонки тут ни при чем. Это от того, что я ем, или, точнее, не ем. – Она попыталась улыбнуться ему из-за стола, но слишком устала, чтобы продолжать спорить. Они все утро только этим и занимались.

– Ты подвергаешь опасности ребенка.

– Ради бога, Бернардо! – Она со злостью посмотрела на него. – У нас в доме семь охранников. Один ездит в машине с Энцо, другой находится в школе.

– Ты скоро дождешься, дурочка. Ведь я не раз говорил вам о том, что вы неправильно живете. И разве я был не прав?

Это был жестокий удар.

– Убирайся из моего кабинета! – закричала Изабелла. – Убирайся из моей жизни!

– Иди к черту! – Он ушел, хлопнув дверью. Она слишком устала, чтобы пойти за ним и извиниться или хотя бы попытаться это сделать. Ей чертовски надоела война с Бернардо.

Изабелла попыталась припомнить, всегда ли так было. Не казалось ли это прежде забавным? Разве они иногда не смеялись вместе? Или они смеялись только, когда был Амадео, умевший уговорить их и положить конец сражениям? Днем она не помнила ни о чем, кроме гор бумаг на своем столе. А ночью ее преследовали иные воспоминания... Тихое дыхание спящего Амадео, его руки на ее теплых бедрах, выражение его глаз, когда он просыпался, то, как он улыбался ей, поднимая взгляд от утренней газеты, его запах после бритья и ванны и звонкий смех в зале, когда он гонялся за Алессандро... Каждую ночь Изабелла лежала без сна с этими воспоминаниями. Теперь она брала работу домой, надеясь заглушить свои видения, зарывшись в заказы на ткани и детали коллекций, в статистику, цифры и капиталовложения. Ночи казались слишком длинными после того, как засыпал Алессандро.

Изабелла сидела в своем кабинете с плотно закрытыми глазами и старалась заставить себя вернуться к работе, когда раздался тихий стук в дверь. Она невольно вздрогнула от неожиданности. Стучали в боковую дверь, ведущую в кабинет Амадео, которой всегда пользовался только он. На мгновение она почувствовала, что дрожит. У нее все еще было безумное ощущение, что он вот-вот вернется. Но это был плохой сон, ужасная ложь, что однажды вечером «Феррари» подкатит по выложенной гравием дорожке, дверь распахнется и Амадео крикнет ей: «Изабеллецца! Я дома!»

– Войдите. – Изабелла смотрела на дверь, когда снова раздался стук.

– Можно? – Это был всего лишь Бернардо.

– Конечно. Что ты там делаешь? – Он был в кабинете Амадео, а она хотела, чтобы никто, даже Бернардо, не заходил туда. Она не хотела, чтобы кто-либо заходил туда. Иногда она пользовалась кабинетом, ища там минутного уединения во время ленча или в конце дня. Но она понимала, что не может запретить Бернардо заходить туда. Он имел право доступа к бумагам Амадео, к книгам, которые стояли там на полках.

– Я искал некоторые документы. А что?

– Ничего. – Но в ее глазах безошибочно угадывалась боль. На мгновение Бернардо снова стало жаль ее. И неважно, что временами она становится просто невыносимой, что они сильно отличаются друг от друга в своих стремлениях в бизнесе, он все же понимал величину ее утраты.

– Тебе неприятно, когда я вхожу туда? – Сейчас его голос отличался от того, которым он кричал совсем недавно, хлопая дверью.

Она кивнула, отвернувшись на мгновение, а затем вновь посмотрела на него.

– Глупо, не правда ли? Я знаю, что тебе иногда надо брать кое-что из его кабинета, так же как и мне.

– Ты не можешь превратить его кабинет в святыню, Изабелла. – Голос у него был мягким, но взгляд твердым. Она уже вела себя так по отношению к их бизнесу. Он размышлял, как долго это будет продолжаться.

– Знаю.

Бернардо стоял в дверях, испытывая неловкость, сомневаясь, подходящий ли сейчас момент. Но когда же? Когда он сможет спросить ее? Когда он сможет сказать ей то, что думает?

– Можем мы немного поговорить или ты очень занята?

– У меня есть немного времени. – Ее тон не был приглашающим к беседе. Она заставила себя смягчить голос. Возможно, он хотел извиниться за свою резкость. – Речь пойдет о чем-то особенном?

– Думаю, да. – Он тихо вздохнул и сел. – Есть кое-что, чем я не хотел беспокоить тебя, но думаю, что время пришло.

– О господи. Что еще? Кто-то увольняется, аннулирован какой-нибудь заказ или сорваны поставки? Опять что-то с этим проклятым мылом? – Она уже достаточно наслуша-

лась о нем, и всякий раз, когда им приходилось обсуждать эту тему, она вспоминала о том дне, когда... когда Амадео... о том последнем утре... Она отвела взгляд.

– Не смотри так. Я не собираюсь говорить ничего неприятного. На самом деле, – он попытался убедить ее, улыбнувшись, – возможно, это даже очень приятное.

– Не уверена, что могла бы выдержать удар даже от чего-то «очень приятного». – Она снова села, борясь с усталостью и болью в спине. Нервы, напряжение, все это сказывалось с тех пор... – Ладно, давай выкладывай.

– Ну так вот, синьора. – И вдруг он пожалел, что не сводил ее на ленч. Возможно, было бы лучше провести несколько часов вне работы, за бутылочкой хорошего вина. Но кто теперь мог вытащить ее куда-либо? К тому же как только они выйдут из здания, за ними двинется целая армия охранников. Нет, уж лучше здесь. – Нам звонили из Штатов.

– Кто-то заказал десять тысяч платьев, мы должны одеть первую леди или я только что получила международную награду?

– Ну... – На мгновение они оба улыбнулись. Слава богу, она слегка смягчилась после их утренней стычки. Он не знал точно, почему, может быть, потому, что она так нуждалась в нем, а возможно, вдруг почувствовала себя слишком уставшей, чтобы сражаться. – Звонок был не совсем такого плана. Звонили из «Фарнхэм-Барнес».

– Из этого всепоглощающего монстра-универмага? Какого черта им надо? – За последние десять лет «Ф-Б», как они его называли, постепенно поглотил все главные крупные универмаги в Штатах. Теперь он стал могущественной организацией, с которой приходилось считаться всем и каждому в торговом мире. – Они остались довольны своим последним заказом? Нет, можешь не говорить. Я знаю ответ, они хотят еще. Так скажи им, что больше они получить не смогут. Тебе это уже известно. – Из-за большого числа универмагов в их звене Изабелла действовала осторожно, чтобы сохранять в руках бразды правления. Они могли заполучить только заранее оговоренное количество готовой одежды и минимум специальных моделей. Ей не хотелось, чтобы сотни женщин в Де-Мойне, Бостоне и Майами носили одинаковые платья. Изабелла придерживалась осторожной политики даже в готовой одежде и осуществляла железный контроль. – Речь шла об этом? – Она бросила гневный взгляд на Бернардо, уже закусывая удила, и он почувствовал, как у него напряглась верхняя губа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.